

Глава 15. Восток и Запад в социальной эволюции в XX–XXI вв. Великая конвергенция

Очень важно понимать, что социальная эволюция разворачивается таким образом, что прорыв в одной части ее социальных организмов (обществ) или подсистем раньше или позже подготавливает прорыв в других ее подсистемах и социальных организмов. Поэтому в историческом процессе мы не знаем обществ или регионов, которые были бы всегда впереди. Нет авангардные общества/регионы раньше или позже начинают контакты или экспансию на периферию, тем самым обеспечивая диффузию или прямое навязывание новых технологических и социальных инноваций. В итоге раньше или позже происходит модернизация периферийных и полупериферийных регионов и обществ, в результате которой какие-то из них начинают подъем, а затем и рывок: дивергенция – то есть путь на новые уровни – начинается в новых местах (см. главу 6). Таким образом, мы имеем нечто вроде закона сообщающихся сосудов (о нем подробнее см. в этой главе), когда более высокий уровень развития одних обществ/регионов тем или иным способом находит путь соединения с регионами более низких уровней развития. В результате того, что эти пути постепенно превращают разноуровневые регионы/общества в единую систему, уровни начинают выравниваться. Но тут очень важно понимать, что это может быть только в условиях того, что данные регионы/общества находятся в одной мир-системе. При этом очень важно, что их соединение приводит к территориальному и иному росту данной мир-системы. Если же разноуровневые регионы и общества находятся в разных мир-системах, то никакого выравнивания быть не может, поскольку нет контактов и передачи достижений – главного отличительного механизма социальной эволюции от иных типов эволюции. Поэтому мы видим очень разный темп развития в Афроевразийской мир-системе и Американской мир-системе (а также и Австрало-океанической) вплоть до великих географических открытий, до насильственного открытия этих регионов и вовлечения их в орбиту Европы, что, как мы помним способствовало созданию уже Мир-Системы с большой буквы.

Таким образом, Восток и Запад и выступали такими макрорегионами, которые поочередно двигали вперед социальную эволюцию, одновременно расширяя ее культурную ойкумену и пределы Мир-Системы.

Есть еще один важный нюанс в возможностях передачи достижений. Дело в том, что в рамках аграрно-ремесленного принципа производства (см. главы 3 и 10), важнейшим фактором, способствующим подъему Протовостока и Востока был географический фактор, а именно плодородие почв и подходящий климат (см. главу 5). Это при достижении технологического уровня обеспечивало и рост богатства, и демографический рост со всеми вытекающими из этого последствиями, о которых мы говорили в главе 5 и других. Поэтому возможности культурного и иного роста многих регионов были все же ограничены, отсюда мы видим деление Афроевразийской мир-системы на цивилизации и варварскую полупериферию и периферию (см. главу 6).

Таким образом, структура Афроевразийской мир-системы под воздействием географического и природного факторов, а также и многих других факторов была сильно неоднородна. Однако важно, что в ней не было ни одного реального властного центра (за небольшими исключениями времен пика державы Александра Македонского и 1240-х годов, когда возникла на короткое время единая гигантская Монгольская империя). Был период Ближний Восток был длительное время культурным центром, центром, из кото-

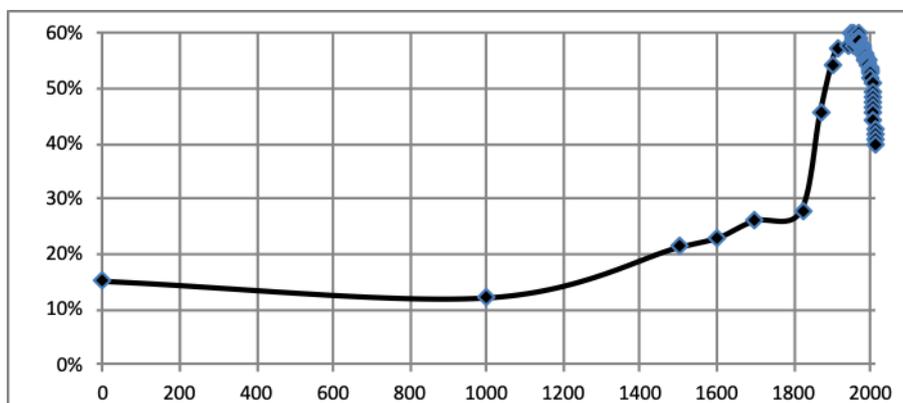
рого шел большой поток инноваций в другие регионы, чем наоборот. Не было и какого-то региона, который можно было бы рассматривать как бесспорный центр этой мир-системы. Зато с подъемом Европы и великими географическими открытиями, как уже сказано, начала формироваться Мир-Система, в которой появилась уже иная структура: ярко выраженный центр, полупериферия и периферия. При этом экспансия центра все нарастала, а подчиненность иных частей также росла. Это и был период великой дивергенции, о которой шла речь в предыдущей главе. В этой структуре произошли огромные изменения в системе и структуре обмена товарами и информацией, достижениями и другим. В такой Мир-Системе рост регионов/обществ с более низким уровнем мог быть обеспечен только вовлечением их в Мир-Системы на подчиненных ролях, от чего специализация ролей в Мир-Системе сильно выросла. Именно с таких подчиненных функций начался медленный, но неуклонный рост Востока в 19 веке, он усилился в первой половине 20 века и стал очень заметным в 1940–1970-е годы. А затем он стал неудержимым и стремительным. Это был процесс великой конвергенции, о котором пойдет речь в настоящей главе. Мы также коснемся одного из механизмов великой конвергенции – глобализация, которая в итоге оказалась более выгодна развивающимся странам, чему сегодня свидетельство политики Трампа (в целом не особенно умной и успешной), который пытается разрушить общемировые структуры и соглашения (см.: Гринин 2019).

1. Истоки Великой конвергенции

Рассмотрение Великой конвергенции целесообразно начать с выяснения вопроса о том, когда она началась. А для этого необходимо рассмотреть количественную динамику разрыва между первым и третьим миром в долгосрочной перспективе.

Долгосрочные тенденции дивергенции/конвергенции по ВВП

Согласно данным А. Мэддисона, доля Запада в мировом ВВП достаточно заметно выросла за 1000–1800 гг., однако взрывообразный рост этой доли начался после 1800 г. К концу XIX в. доля Запада в мировом ВВП превысила 50 %, а в 1950–1960-е гг. превышала 60 %. С конца же 1960-х гг. эта доля начала снижаться все более быстрыми темпами (см. Рис. 15.1).

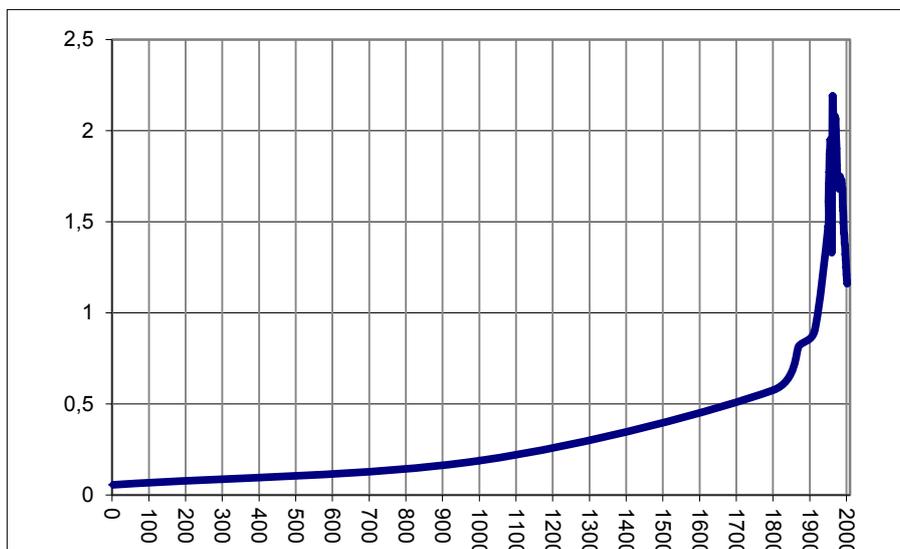

Рис. 15.1. Динамика доли Запада¹ в мировом ВВП (по А. Мэддисону)

Источники данных: до 2008 г. (включительно) – Maddison 2010; после 2008 г. – World Bank 2019: NY.GDP.MKTR.PP.KD. Для обеспечения совместимости данных для периода после 2008 г. данные Всемирного банка по ВВП были пересчитаны в соответствии с мэддисоновскими коэффициентами перевода номинальных долларов в доллары по паритетам покупательной способности (ППС).

¹ Здесь и далее в качестве Запада условно обозначается следующая группа стран: все западноевропейские государства, США, Австралия, Новая Зеландия, Канада и Япония.

Обращает на себя внимание то, что данная кривая удивительно похожа на кривую относительных темпов роста численности населения мира (см. Рис. 15.2).

Рис. 15.2. Динамика изменения относительных темпов роста населения мира, 1–2003 гг. н. э. (%)

Примечание: до 1800 г. приводится линия тренда без учета циклических и стохастических колебаний.

Источник данных: Коротаев, Малков, Халтурина 2007: 12.

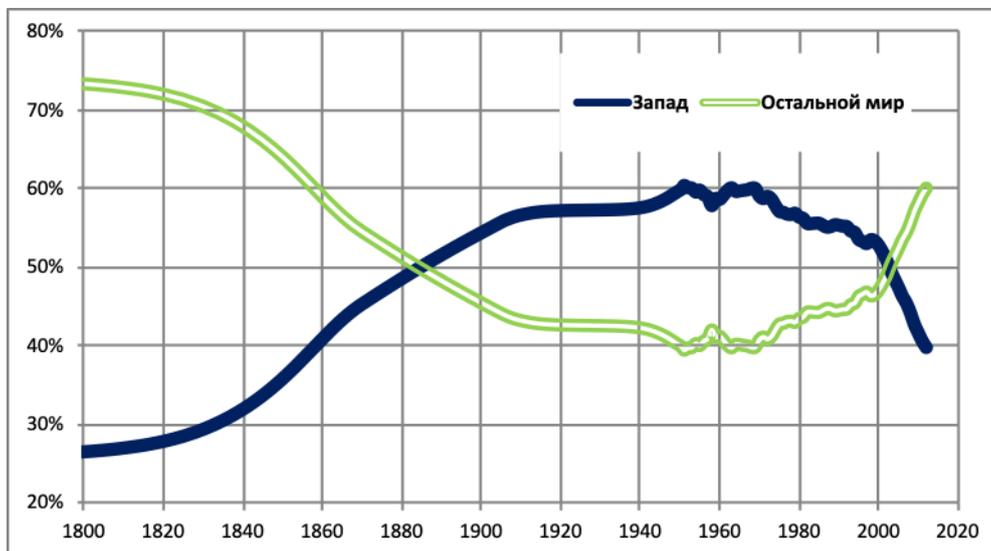
Мы полагаем, что это совпадение отнюдь не случайно. Уже ранее нами было сделано следующее наблюдение:

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что перелом двухвековой тенденции роста разрыва по уровню жизни между центром и периферией² на тенденцию к сокращению этого разрыва с удивительной точностью (практически до года) совпал с переломом целого ряда других многовековых (и даже иногда многотысячелетних) тенденций на прямо противоположные. Здесь необходимо отметить переход от многотысячелетних тенденций увеличения относительных темпов роста населения и ВВП (а также ВВП на душу населения) к прямо противоположным тенденциям уменьшения этих темпов. Также отметим переход от многотысячелетней тенденции уменьшения эффективности использования энергии к прямо противоположной. Имеются определенные основания предполагать, что совпадение это отнюдь не случайно и отражает тот факт, что здесь мы имеем дело с разными сторонами единого процесса развития Мир-Системы, с разными сторонами единого процесса выхода Мир-Системы из режима с обострением и начала движения к траектории устойчивого развития. Действительно, у всех этих новых, оформившихся в 1970–1980-е гг. тенденций (тенденций к замедлению относительных темпов роста мирового населения и ВВП, к сокращению удельной энергозатратности ВВП, к уменьшению экономического разрыва между центром и периферией) есть и некоторый «общий знаменатель» – все они в той или иной степени ведут к стабилизации развития Мир-Системы, к некоторому снятию многих накопившихся в ней структурных напряжений (Коротаев, Халтурина, Малков и др. 2010: 68–69; см. также: Коротаев 2014б; Коротаев 2015а; 2015б; Korotayev, Goldstone, Zinkina 2015).

² Как мы увидим далее, кривая долгосрочного разрыва по ВВП на душу населения между первым и третьим миром за 1000–1800 гг. еще больше похожа на кривую динамики темпов роста населения мира.

2. Динамика конвергенции: изменение доли ВВП Запада и остального мира в Новое и Новейшее время и в современный период

Рассмотрим теперь динамику доли ВВП Запада и остального мира после 1800 г. (Рис. 15.3).

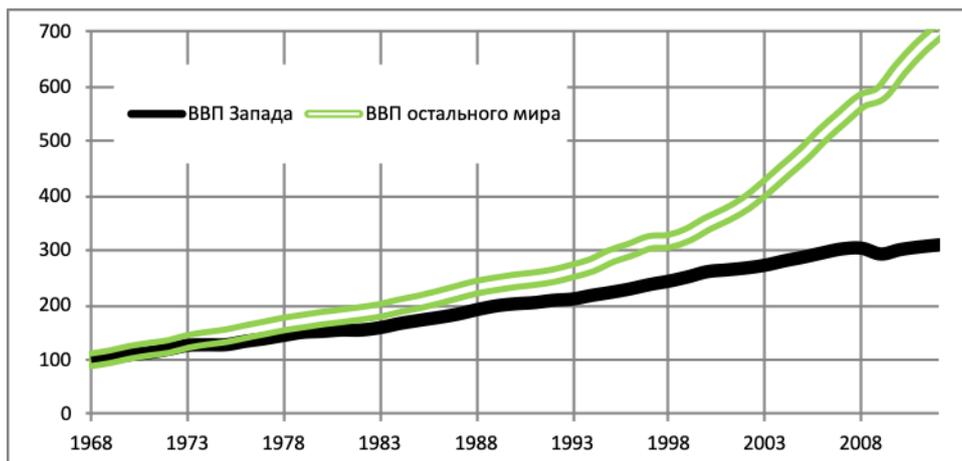
Рис. 15.3. Динамика доли Запада и остального мира в мировом ВВП после 1800 г. (по А. Мэддисону)

Источники данных: до 2008 г. (включительно) – Maddison 2010; после 2008 г. – World Bank 2019: NY.GDP.МКТР.РР.КД. Для обеспечения совместимости данных для периода после 2008 г. данные Всемирного банка по ВВП были пересчитаны в соответствии с мэддисоновскими коэффициентами перевода номинальных долларов в доллары по паритетам покупательной способности. Те же источники использованы для построения последующих диаграмм.

На данной диаграмме хорошо видно, что, согласно Мэддисону, доля Запада в мировом ВВП начала достаточно устойчиво сокращаться с конца 1960-х гг., однако вплоть до конца 1990-х гг. это сокращение происходило довольно медленными темпами; по-настоящему быстрыми темпами доля Запада в мировом ВВП стала сокращаться (а доля остального мира соответственно увеличиваться) после 2000 г. При сохранении этих темпов соотношение между Западом и не-Западом по вкладу в мировой ВВП вернется к уровню, наблюдавшемуся до начала Великой дивергенции (≈ 1800 г.), уже через 15–20 лет³.

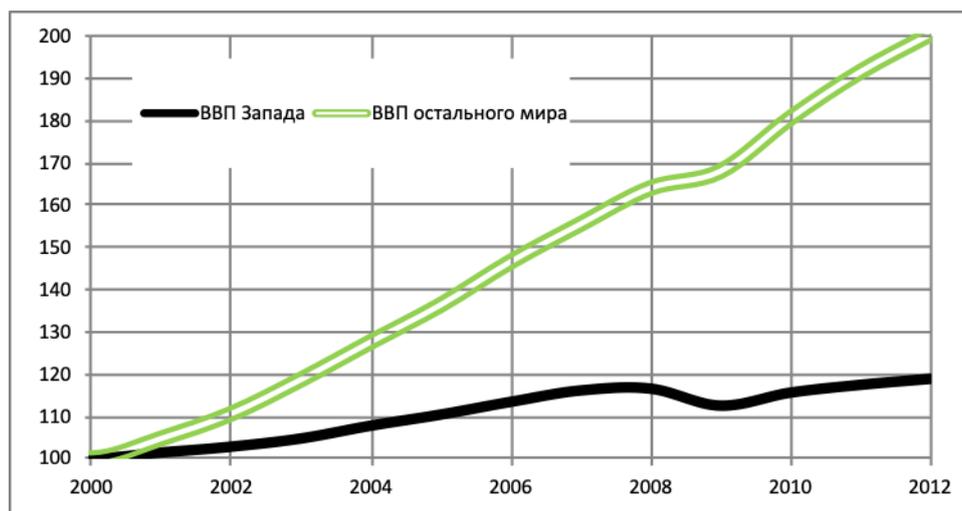
Особенно наглядно обстоятельство, что суммарный ВВП стран Запада, согласно А. Мэддисону, уже довольно давно растет значительно медленнее, чем ВВП остального мира, видно на Рис. 15.4.

³ Впрочем, имеются основания сомневаться в том, что столь высокие темпы реально сохранятся в ближайшие 15–20 лет, а не замедлятся. В последние годы (2013–2016), действительно, средние темпы роста незападных стран замедляются, но они все же выше темпов роста развитых стран и среднемировых.

Рис. 15.4. Относительная динамика производства ВВП для Запада и остального мира (по А. Мэддисону), 1968–2012 гг., 100 = уровень 1968 г.

Как мы видим, если суммарный ВВП не-Запада за 1968–2012 гг. вырос в семь раз⁴, то ВВП стран Запада – лишь в три раза. Однако в по-настоящему радикальный отрыв темпы роста ВВП стран не-Запада ушли относительно темпов роста экономик Запада после 2000 г.⁵ (см. Рис. 15.5).

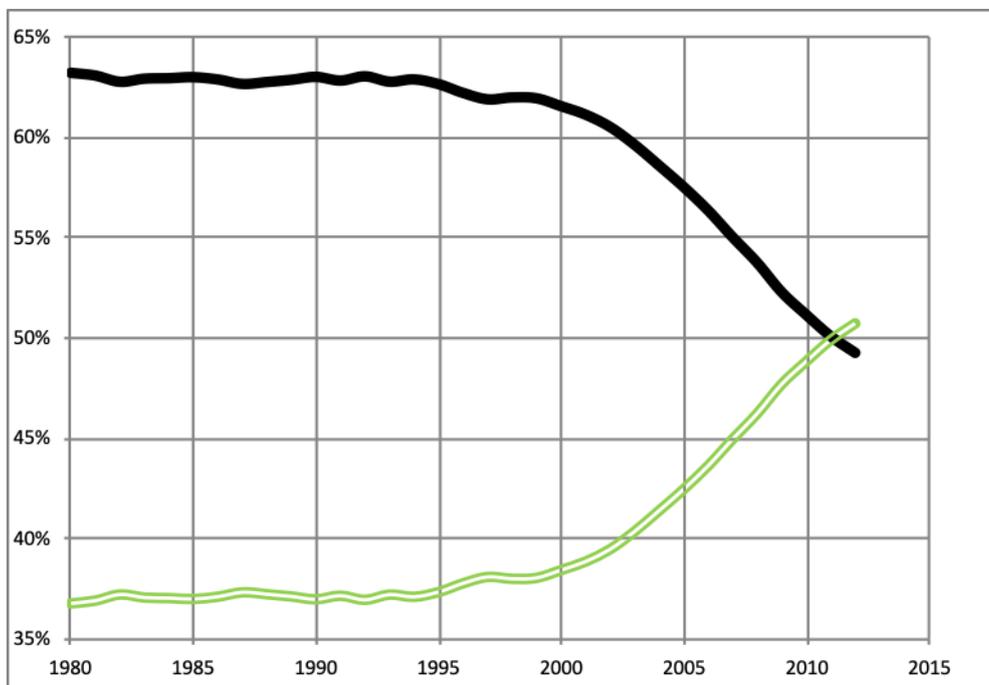
Рис. 15.5. Относительная динамика производства ВВП для Запада и остального мира (по А. Мэддисону), 2000–2012 гг., 100 = уровень 2000 г.

Как мы видим, если после 2000 г. суммарный ВВП стран Запада вырос всего на 20 %, то ВВП остального мира удвоился, то есть увеличился на 100 %, таким образом, по среднегодовым темпам экономического роста в этот период не-Запад обгонял Запад в 5 (!) раз.

⁴ Подчеркнем – при использовании принятых А. Мэддисоном коэффициентов пересчета ВВП по ППС. Как мы увидим далее, при использовании иных коэффициентов в этом случае получатся существенно иные результаты (прежде всего для периода 1968–1998 гг.).

⁵ И – как мы увидим это ниже – аналогичный результат в этом случае мы получим при использовании любых коэффициентов пересчета ВВП по ППС.

Вместе с тем исключительно важно отдавать себе отчет в том, сколь многое здесь зависит от единицы измерения, от того, какими долларами мы считаем ВВП и какими коэффициентами пересчета по паритетам покупательной способности пользуемся. Действительно, как только мы начинаем пользоваться коэффициентами пересчета по паритетам покупательной способности, принятыми Всемирным банком, ситуация меняется существенным образом (см. Рис. 15.6).

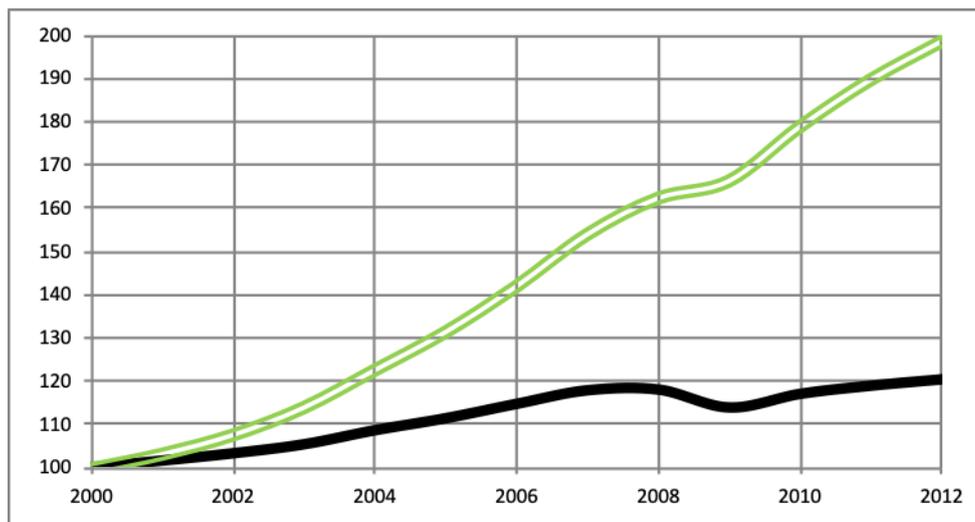

Рис. 15.6. Динамика доли Запада и остального мира в мировом ВВП после 1980 г. (данные в постоянных международных долларах 2005 г. в пересчете по коэффициентам паритетов покупательной способности Всемирного банка). Одинарная линия – Запад. Двойная линия – остальной мир

Источник данных: World Bank 2019: NY.GDP.MKTR.PP.KD.

Как мы видим, при использовании коэффициентов пересчета по паритетам покупательной способности, принятых Всемирным банком, получается, что конвергенция между Западом и остальным миром по ВВП реально началась лишь после 1994 г.; при этом вплоть до 1999 г. она шла очень медленными темпами, в 1999–2002 гг. заметно ускорилась, но особо быстрыми темпами она двигалась после 2002 г., и при этом столь быстрыми, что уже в 2012 г. доля не-Запада в мировом ВВП превысила долю Запада (и это притом что всего 15 лет назад доля Запада была выше доли всего остального мира почти в два раза).

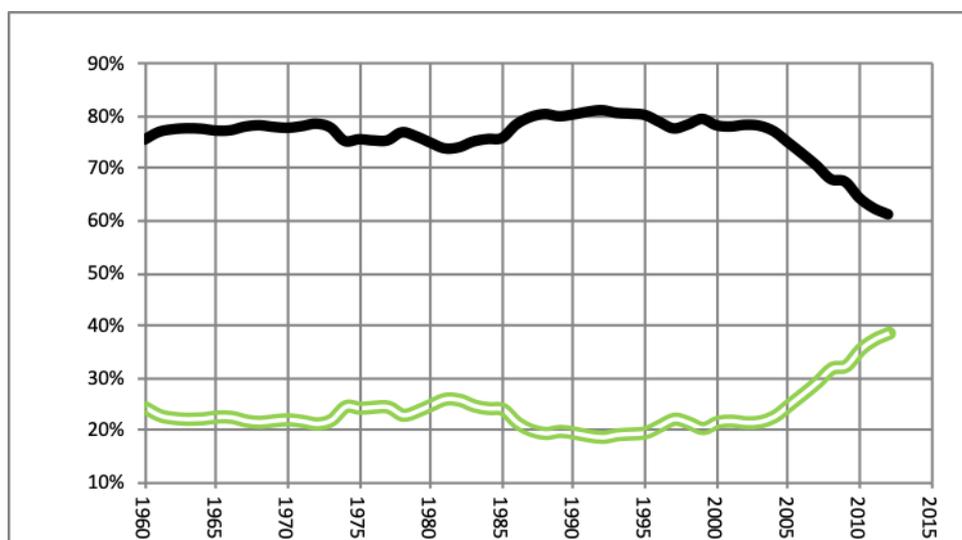
Отметим, что данные Всемирного банка (ВБ) по относительной динамике роста ВВП стран Запада и не-Запада после 2000 г. (в долларах 2005 г., пересчитанных по ППС с использованием принятых ВБ коэффициентов) рисуют картину, очень близкую той, что мы могли видеть у Мэддисона (см. Рис. 15.7).

Рис. 15.7. Относительная динамика производства ВВП для Запада и остального мира (по данным Всемирного банка, с расчетом в международных долларах 2005 г. по ППС), 2000–2012 гг., 100 = уровень 2000 г. Одинарная линия – Запад. Двойная линия – остальной мир

Почти полная идентичность кривых за 2008–2012 гг. здесь и неудивительна, ибо ряд данных Мэддисона был продлен нами на эти годы как раз с опорой на данные Всемирного банка; более примечательно то, что данные как Мэддисона, так и Всемирного банка рисуют весьма похожую картину для периода 2000–2008 гг.

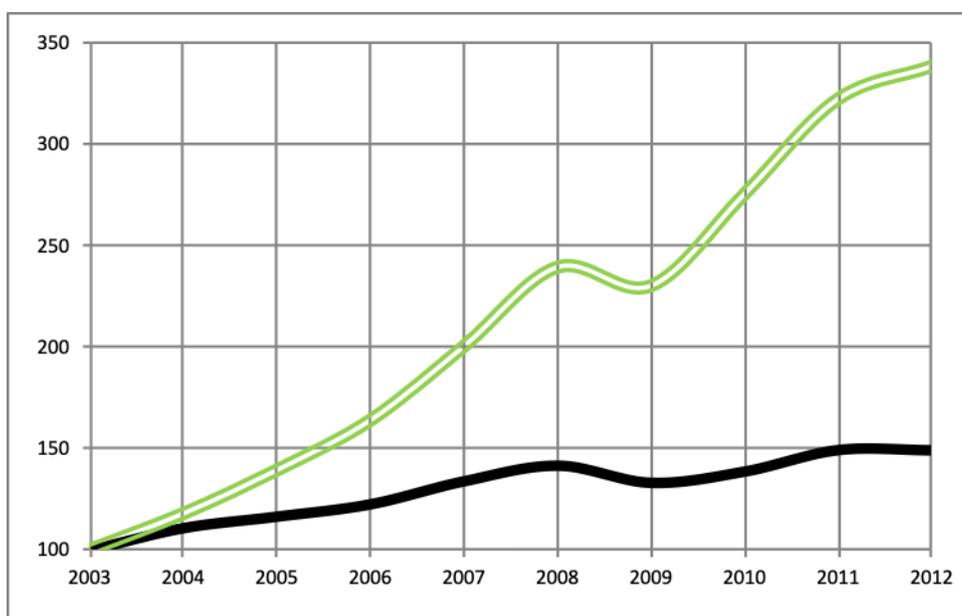
Несколько более отличающаяся картина получается при использовании данных по ВВП, рассчитанному в долларах США по текущему обменному курсу (см. Рис. 15.8).

Рис. 15.8. Динамика доли Запада и остального мира в мировом ВВП после 1980 г. (рассчитано по данным в постоянных долларах США по текущему обменному курсу). Одинарная линия – Запад. Двойная линия – остальной мир

Источник данных: World Bank 2019: NY.GDP.MKTP.CD.

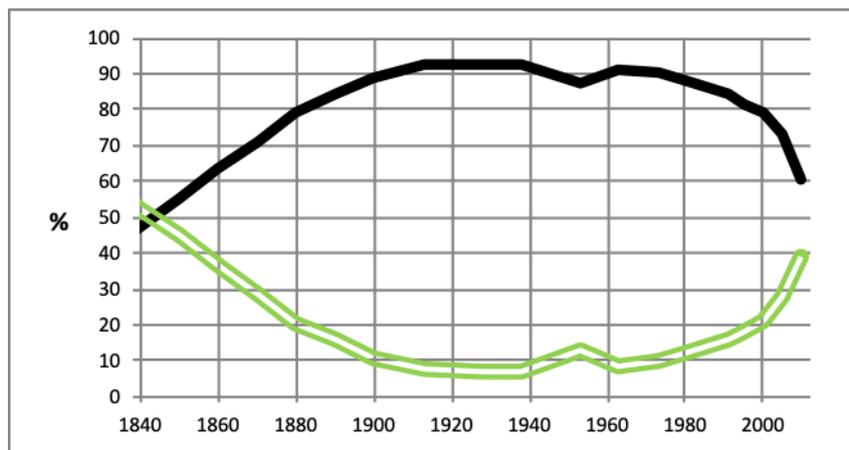
Как мы видим, при расчете ВВП в долларах США по текущему обменному курсу получается, что достаточно быстрая конвергенция по доле Запада и не-Запада в мировом ВВП началась еще позднее – после 2003 г. (хотя какая-то конвергенция прослеживается для 1992–2003 гг. и здесь, но при данном методе расчета ВВП для этого периода речь может идти лишь о крайне медленной и неуверенной конвергенции). Более того, при расчете ВВП в долларах США по текущему обменному курсу получается, что доля Запада в мировом ВВП продолжает до сих пор превышать долю не-Запада, при этом речь идет об очень значительном (в полтора раза) разрыве. С другой стороны, и при расчете данным способом получается, что после 2003 г. конвергенция между Западом и не-Западом по доле в мировом ВВП происходит исключительно быстрыми темпами – всего за 9 лет не-Западу удалось сократить свое отставание от Запада вдвое; при сохранении тенденций 2000-х гг. не-Запад мог бы догнать Запад в течение ближайших лет и по этому показателю. При этом и при подсчете ВВП в долларах по текущему обменному курсу получается, что экономика не-Запада растет в последние годы в среднем в пять раз быстрее, чем экономика стран Запада (см. Рис. 15.9).

Рис. 15.9. Относительная динамика производства ВВП для Запада и остального мира (по данным Всемирного банка, с расчетом в долларах США по текущему обменному курсу), 2003–2012 гг., 100 = уровень 2003 г. Одинарная линия – Запад. Двойная линия – остальной мир

Таким образом, при том, что различные ряды данных рисуют достаточно разные картины конвергенции между Западом и не-Западом по доле в мировом ВВП, все же очевидно, что в последние годы эта конвергенция идет исключительно быстрыми темпами.

Отметим, что очень близкая картина конвергенции была выявлена У. Томпсоном при попытке проследить долгосрочную динамику доли Запада в мировом промышленном производстве (см. Рис. 15.10).

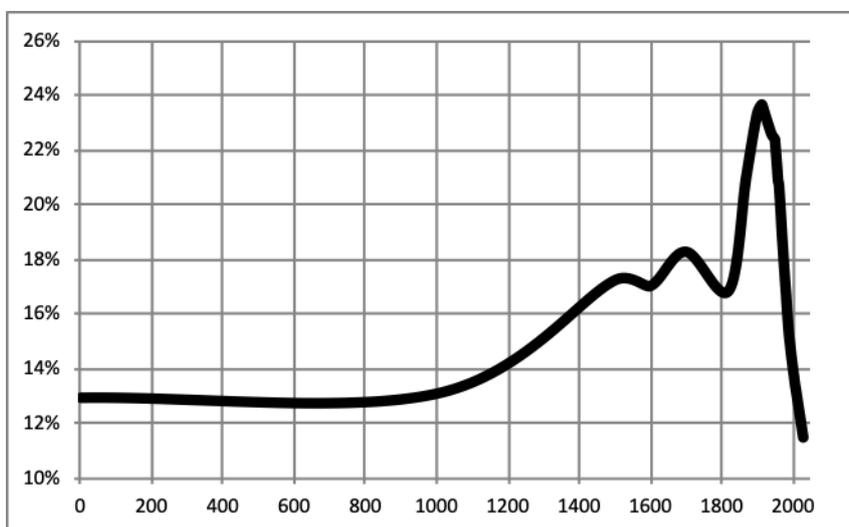
Рис. 15.10. Динамика доли Запада и остального мира в мировом промышленном производстве, 1840–2010 гг. Одинарная линия – развитые страны. Двойная линия – третий мир

Источник данных: Thompson 2014.

Как мы видим, и по расчетам Томпсона действительно быстрая конвергенция между Западом и не-Западом по рассматриваемому им показателю началась лишь после 2000 г., но затем она уже пошла невероятно быстрыми темпами, так что за 2005–2010 гг. (всего за пять лет!) разрыв между Западом и не-Западом по доле в мировом промышленном производстве сократился почти в два раза.

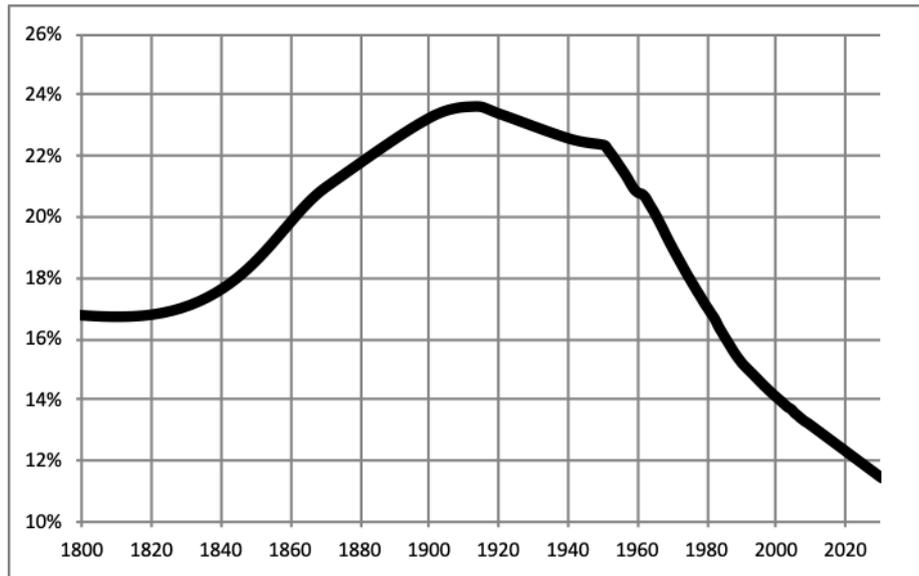
О динамике доли Запада в общей численности населения мира

Для дальнейшего понимания проблемы Великой дивергенции и Великой конвергенции очень важно учитывать динамику доли Запада в общей численности населения мира (см. Рис. 15.11 и 5.12).

Рис. 15.11. Динамика доли Запада в общей численности населения мира, 1–2009 гг., с прогнозом до 2030 г.

Источник данных: Maddison 2010.

Рис. 15.12. Динамика доли Запада в общей численности населения мира, 1800–2009 гг., с прогнозом до 2030 г.

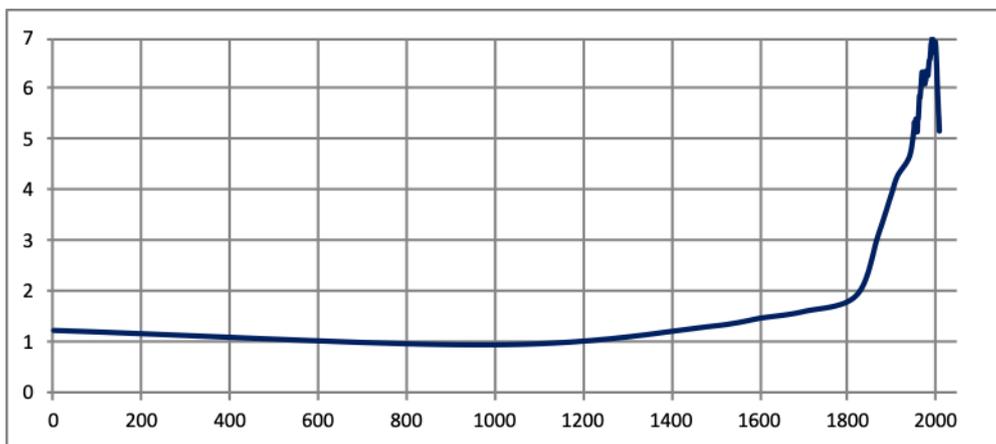
Источник данных: Maddison 2010.

Как мы видим, то обстоятельство, что особенно быстрая дивергенция между Западом и не-Западом по их доле в мировом ВВП наблюдалась в XIX в., имеет мощную демографическую компоненту. Взрывообразный рост доли Запада в этом веке объяснялся как стремительным (по крайней мере, в тысячелетней перспективе) ростом производительности труда (а значит, и ВВП на душу населения) в связи с модернизацией экономики⁶, так и достаточно быстрым ростом доли населения Запада в общей численности населения мира. Это, в свою очередь, было связано с тем, что численность населения стран Запада в XIX в. росла значительно быстрее, чем численность населения остальной части мира. Данное обстоятельство тоже было совершенно неслучайным – собственно говоря, ускорение роста производительности труда и ускорение темпов роста населения в странах Запада были двумя сторонами единого модернизационного процесса. Одним из важнейших последствий начала интенсивной экономической модернизации стран Запада в XIX в. было и начало его интенсивной демографической модернизации – другими словами, начало демографического перехода (Вишневский 1976; 2005; Chesnais 1992; Caldwell 2006; Dyson 2010; Livi-Bacci 2012). Как известно, на первой фазе демографического перехода (которую страны Запада проходили как раз в XIX в.) наблюдается значительное снижение смертности (Вишневский 1976; 2005; Chesnais 1992; Caldwell 2006; Gould 2009; Dyson 2010; Reher 2011; Livi-Bacci 2012). Сопоставимое снижение рождаемости наблюдается только на его второй фазе (в которую страны Запада вошли только в самом конце XIX – начале XX в.). Соответственно на протяжении почти всего XIX в. значительное снижение смертности в странах Запада происходило на фоне все еще высокой рождаемости, что вело к весьма значительному увеличению темпов естественного прироста населения (в связи с запозданием модернизации аналогичное ускорение демографического роста в подавляющем большинстве стран не-Запада произошло лишь в XX в.). Таким образом, в XIX в. в странах Запада темпы роста ВВП на душу населения, гораздо

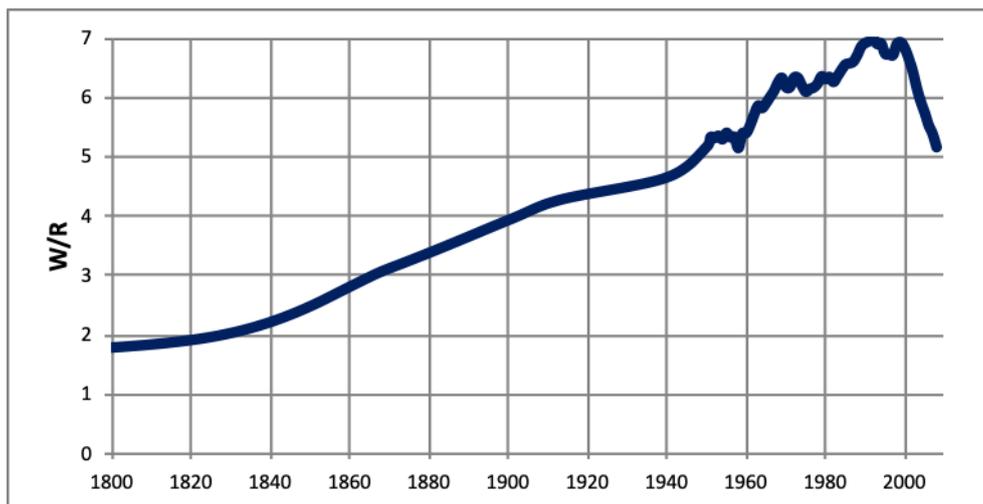
⁶ В то время как остальной мир значительно отставал от Запада в экономической модернизации, а следовательно, и в росте производительности труда.

более высокие, чем в остальном мире (см. также: Мельянцев 2015: 6, график 1), совершенно закономерно сопровождалась и гораздо более высокими (чем в остальном мире) темпами роста населения, что и вело к особо быстрому увеличению доли ВВП стран Запада в мировом ВВП.

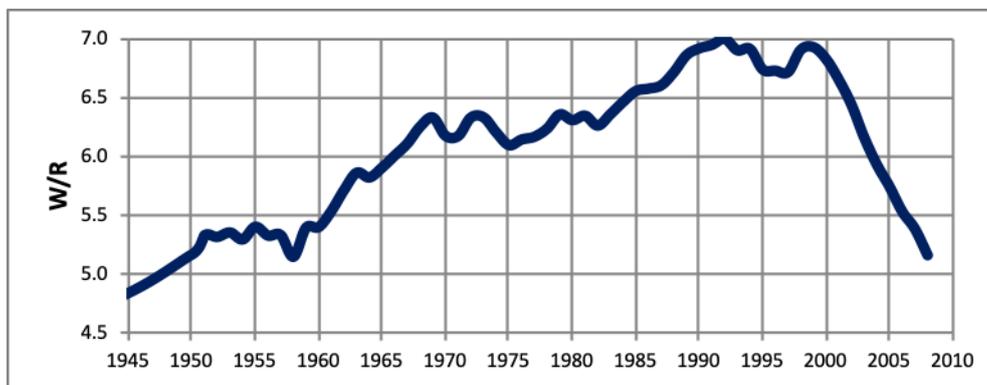
С другой стороны, в XX в. страны Запада вступили во вторую фазу демографического перехода, рождаемость там стала снижаться, а темпы демографического роста соответственно замедлялись. Большинство же стран не-Запада в XX в. вступило как раз в первую фазу демперехода, что означало значительное снижение смертности на фоне все еще высокой рождаемости. В результате уже к началу Первой мировой войны доля Запада в общей численности населения мира достигла своего пика, после чего она начала снижаться, но до начала 1950-х гг. это снижение шло очень медленными темпами. Однако в 1950-е гг. (со вступлением большинства государств третьего мира в первую фазу демографического перехода) в странах не-Запада начался демографический взрыв, который происходил к тому же на фоне все большего снижения рождаемости в первом мире – в результате в 1950–1970-е гг. доля стран Запада в общей численности населения мира стремительно сокращалась. Темпы этого сокращения стали замедляться лишь с конца 1980-х гг. в результате вступления большинства стран третьего мира во вторую фазу демографического перехода (см., например: Caldwell 2006; Gould 2009; Dyson 2010; Reher 2011). Все это обязательно необходимо учитывать при рассмотрении динамики разрыва между Западом и не-Западом по ВВП на душу населения (см. Рис. 15.13–15.15):

Рис. 15.13. Динамика разрыва (в разы) между Западом (the West) и остальным миром (the Rest) по ВВП на душу населения (исчисленному в международных долларах ГИРИ – Хамиса 1990 г. по паритетам покупательной способности), 1–2008 гг.

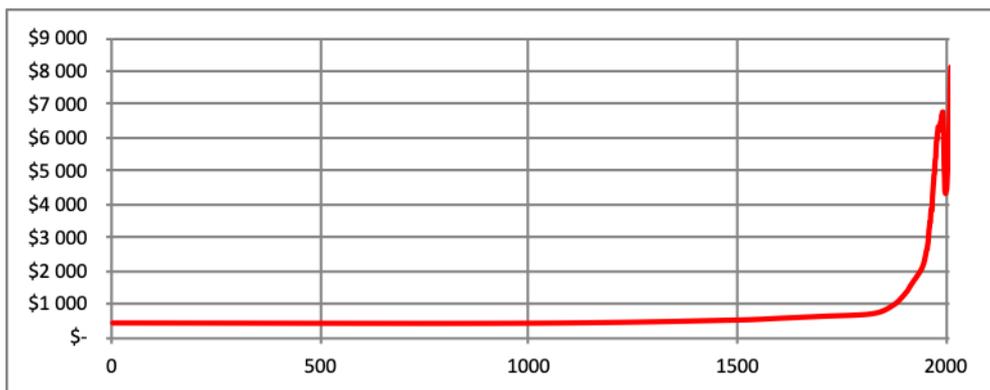
Рис. 15.14. Динамика разрыва (в разы) между Западом (the West) и остальным миром (the Rest) по ВВП на душу населения (исчисленному в международных долларах Гари – Хамиса 1990 г. по паритетам покупательной способности), 1800–2009 гг.

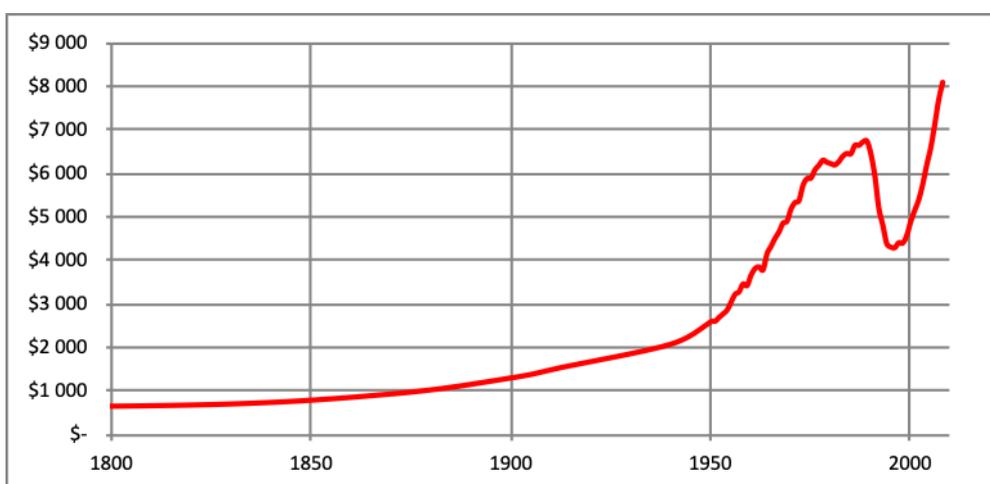
Рис. 15.15. Динамика разрыва (в разы) между Западом (the West) и остальным миром (the Rest) по ВВП на душу населения (исчисленному в международных долларах Гари – Хамиса 1990 г. по паритетам покупательной способности), 1945–2009 гг.

Источник данных: Maddison 2010.

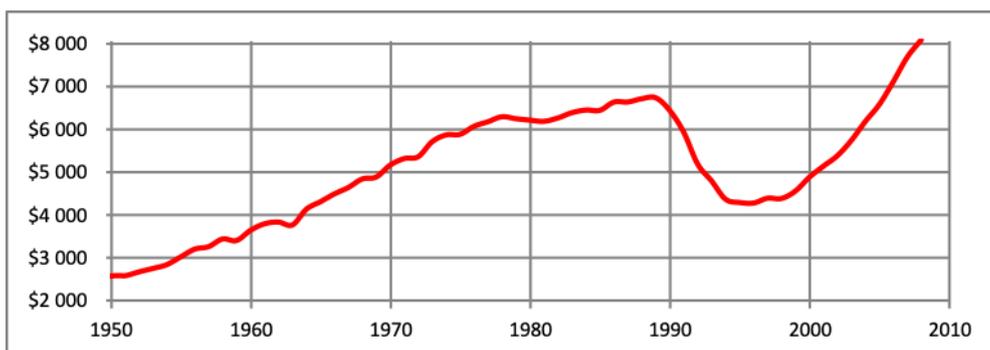
Как мы видим, даже по данным Мэддисона (с его «про-незападными» коэффициентами пересчета ВВП по ППС) получается, что конвергенция между Западом и не-Западом по такому исключительно важному показателю, как ВВП на душу населения, началась очень поздно – только в самом конце 1990-х гг. Однако здесь обязательно необходимо отметить, что такой вывод непозволительно упрощает реальность. Дело в том, что на этом уровне анализа уже никак нельзя не учитывать неоднородности не-Запада и как минимум того обстоятельства, что он распадается хотя бы на второй и третий мир (под вторым миром мы здесь понимаем бывший социалистический лагерь, то есть бывшие страны СССР, а также бывшие социалистические страны Европы). Так что теперь представляется необходимым рассмотреть отдельно долгосрочное экономическое развитие стран второго мира (см. Рис. 15.16–5.18).

Рис. 15.16. Динамика ВВП на душу населения второго мира (исчисленного в международных долларах Гири – Хамиса 1990 г. по паритетам покупательной способности), 1–2008 гг.

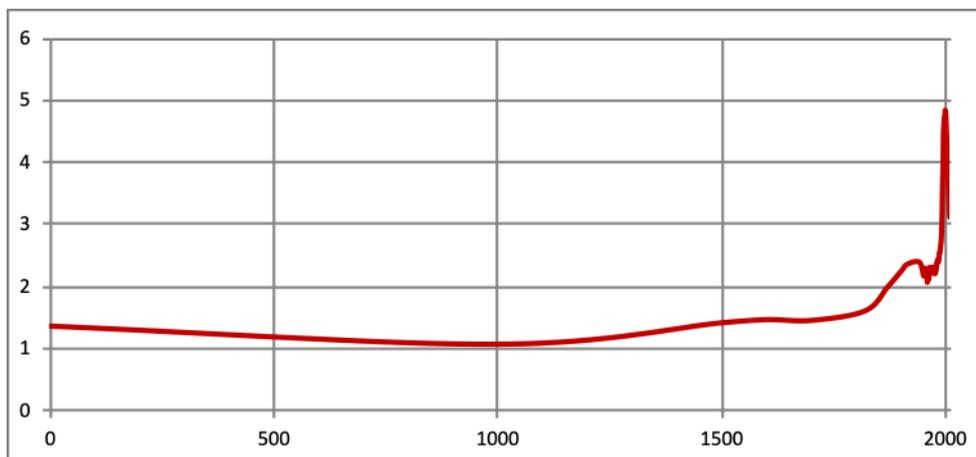
Рис. 15.17. Динамика ВВП на душу населения второго мира (исчисленного в международных долларах Гири – Хамиса 1990 г. по паритетам покупательной способности), 1800–2008 гг.

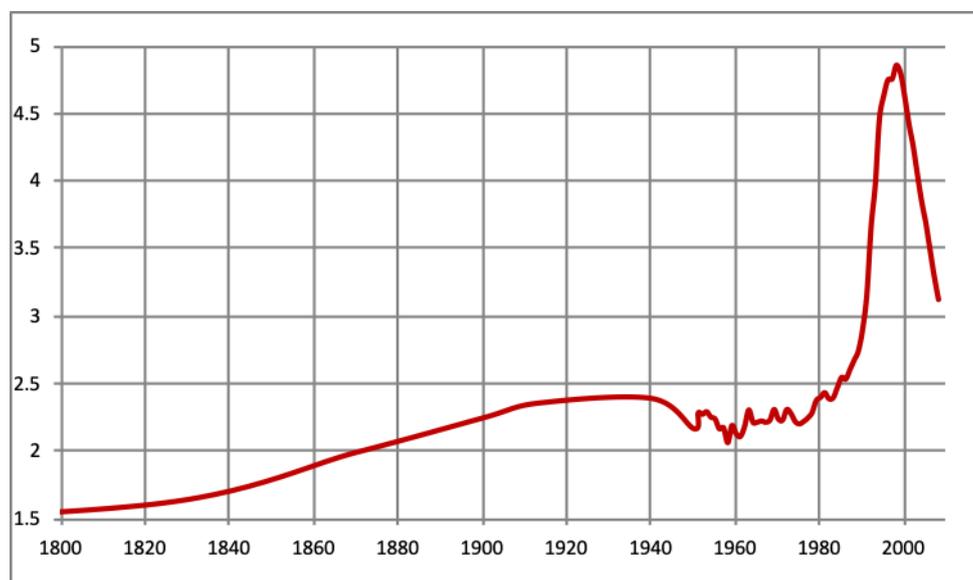
Рис. 15.18. Динамика ВВП на душу населения второго мира (исчисленного в международных долларах Гири – Хамиса 1990 г. по паритетам покупательной способности), 1950–2008 гг.

Как мы видим, экономический кризис 1990-х гг. был во втором мире нетривиально глубоким и продолжительным, со средним спадом производства более чем на треть (то есть заметно более сильным, чем в США во время Великой депрессии), притом что восстановить средний докризисный уровень ВВП на душу населения второму миру удалось только через 16 лет после начала спада (для сравнения: у США 1930-х гг. на это ушло значительно меньше времени – 11 лет).

Рассмотрим теперь динамику разрыва между первым и вторым миром по ВВП на душу населения (см. Рис. 15.19–5.22).

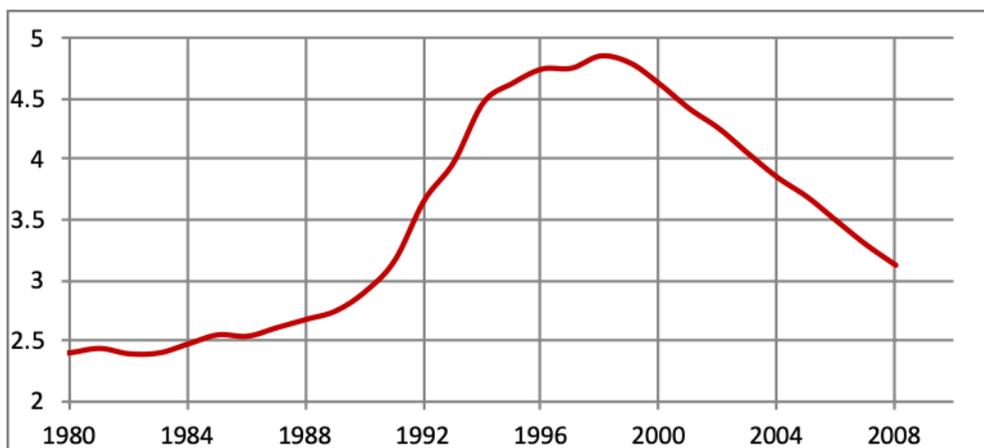
Рис. 15.19. Динамика разрыва (в разы) между первым и вторым миром по ВВП на душу населения (исчисленному в международных долларах Гирри – Хамиса 1990 г. по паритетам покупательной способности), 1–2008 гг.

Рис. 15.20. Динамика разрыва (в разы) между первым и вторым миром по ВВП на душу населения (исчисленному в международных долларах Гирри – Хамиса 1990 г. по паритетам покупательной способности), 1800–2008 гг.

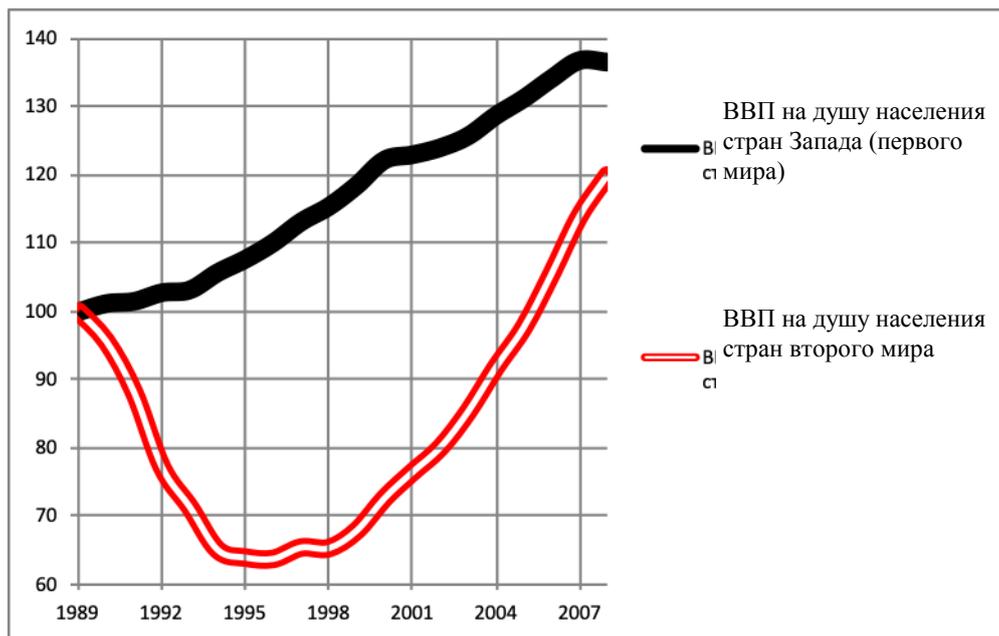

Рис. 15.21. Динамика разрыва (в разы) между первым и вторым миром по ВВП на душу населения (исчисленному в международных долларах Гирри – Хамиса 1990 г. по паритетам покупательной способности), 1950–2008 гг.

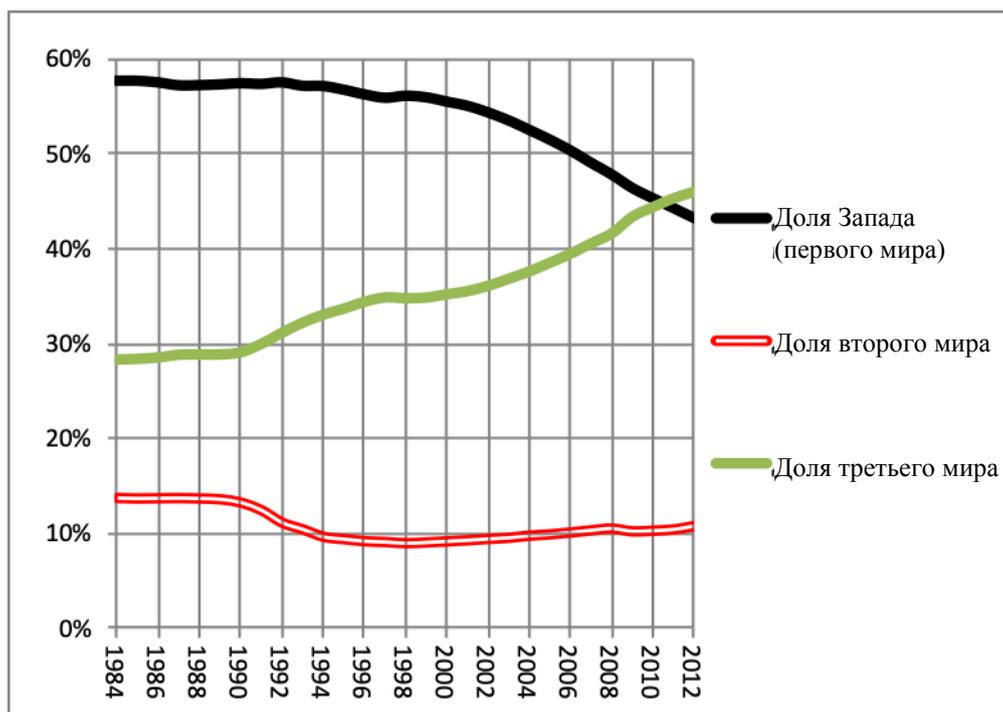
Рис. 15.22. Динамика разрыва (в разы) между первым и вторым миром по ВВП на душу населения (исчисленному в международных долларах Гирри – Хамиса 1990 г. по паритетам покупательной способности), 1980–2008 гг.

Как мы видим, в 1990-е гг. спад производства в странах второго мира сопровождался взрывообразным ростом разрыва между первым и вторым миром по ВВП на душу населения до небывалого уровня. При этом если к середине 2000-х гг. второму миру в целом удалось восстановить докризисный уровень ВВП на душу населения, то разрыв с первым миром и к 2008 г. вернуть к докризисному уровню никак не удалось, и в 2008 г. он оставался несравненно выше, чем это наблюдалось когда-либо до 1989 г. Дело в том, что в 1990-е гг. экономический обвал во втором мире происходил на фоне достаточно быстрого роста экономик первого мира, поэтому к тому времени, как второй мир восстановил докризисный уровень подушевого ВВП, экономики первого мира ушли достаточно далеко вперед (см. Рис. 15.22).

Рис. 15.23. Относительная динамика ВВП на душу населения первого и второго мира (исчисленного в международных долларах Гери – Хамиса 1990 г. по паритетам покупательной способности), 1989–2008 гг., 100 = уровень 1989 г.

В результате доля второго мира в мировом ВВП в 1990-е гг. очень заметно сократилась. Как мы помним, при использовании данных Всемирного банка по ВВП на душу населения, рассчитанному в международных долларах 2005 г. по ППС, получается, что конвергенции по доле в мировом ВВП в 1990-е гг. практически не наблюдалось, а началась она реально только в 2000-е гг. Однако как только мы отделим третий мир от второго, картина достаточно заметно меняется (см. Рис. 15.23).

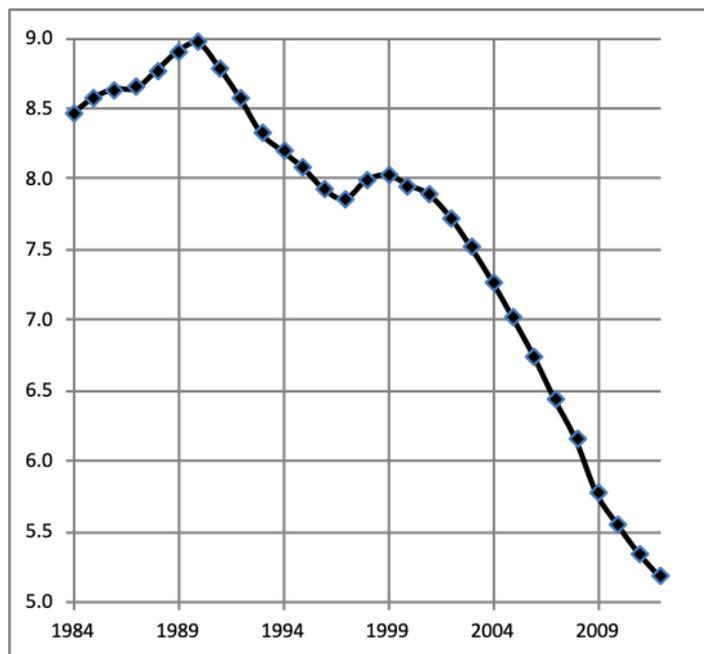

Рис. 15.24. Динамика доли первого, второго и третьего мира в мировом ВВП, 1984–2008 гг. (данные в постоянных международных долларах 2005 г. в пересчете по коэффициентам паритетов покупательной способности Всемирного банка)

Примечание: неполная тождественность кривой первого мира на данном графике аналогичной кривой на Рис. 15.6 связана с использованием в двух случаях двух разных процедур агрегирования.

Как мы видим, после разделения не-Запада на второй и третий мир выясняется, что достаточно быстрая конвергенция между первым и третьим миром по доле в мировом ВВП возникла еще в самом начале 1990-х гг. (с некоторой заминкой в конце этого десятилетия). Однако именно в начале 1990-х гг. наблюдалось весьма значительное уменьшение в мировом ВВП доли стран второго мира. Таким образом, значительное увеличение доли третьего мира в мировом ВВП в первой половине 1990-х гг. было практически полностью компенсировано наблюдавшимся в то же самое время весьма значительным снижением в мировом ВВП доли стран второго мира. Это и создает на Рис. 15.6 иллюзию отсутствия конвергенции в данный период.

Соответственно после разделения не-Запада на второй и третий мир выясняется, что и по ВВП на душу населения достаточно быстрая конвергенция между первым и третьим миром возникла еще в самом начале 1990-х гг., с некоторой заминкой в конце этого десятилетия (см. Рис. 15.24; см. также: Мельянцев 2015: 6, график 1).

Рис. 15.25. Динамика разрыва (в разы) между развитыми странами (первым миром) и развивающимися странами (третьим миром) по ВВП на душу населения (исчисленного в международных долларах 2005 г. по паритетам покупательной способности), 1984–2012 гг.

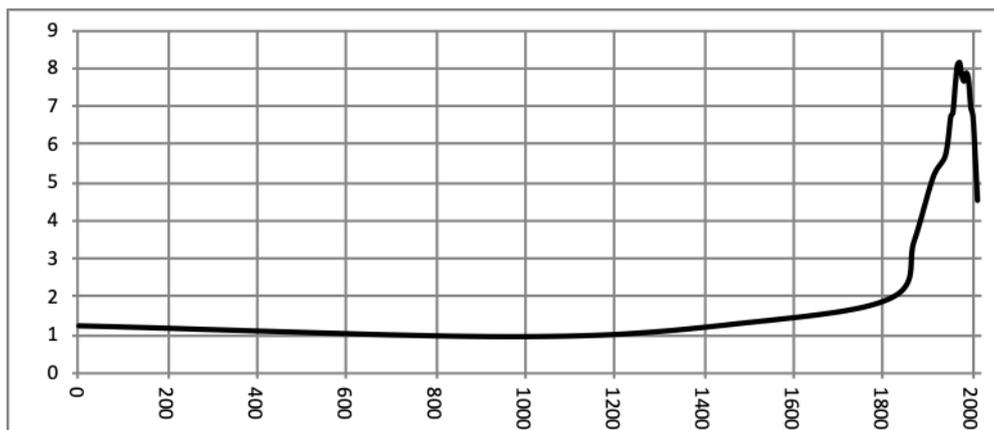
Источник данных: World Bank 2019: NY.GDP.PCAP.PP.KD.

Примечание: числа, отложенные по оси ординат, означают, во сколько раз ВВП на душу населения был выше в развитых странах, чем в развивающихся, на соответствующий год. Скажем, значение 8, приходящееся на 1999 г., означает, что в 1999 г. ВВП на душу населения был в развитых странах в среднем в 8 раз выше, чем в развивающихся.

Уже в 1990-е гг. развивающимся странам удалось добиться очень заметного сокращения разрыва с развитыми странами по ВВП – с 9-кратного до 8-кратного. Но по-настоящему устойчивое и быстрое сокращение разрыва началось после 1999 г., и с 1999 по 2012 г. он сократился с 8-кратного до почти 5-кратного. Если бы сокращение данного разрыва происходило теми же темпами, то разрыв между развитыми и развивающимися странами был бы в основе своей ликвидирован уже через 20 лет. Однако по поводу столь быстрых темпов сокращения разрыва на столь длительный срок изначально были сомнения, теперь же в связи с обозначившейся тенденцией на замедление темпов роста Китая и других стран не-Запада, вплоть до рецессии и попадания стран – лидеров третьего мира в «ловушку среднеразвитости»⁷, очевидно, что на ликвидацию разрыва потребуется больший срок.

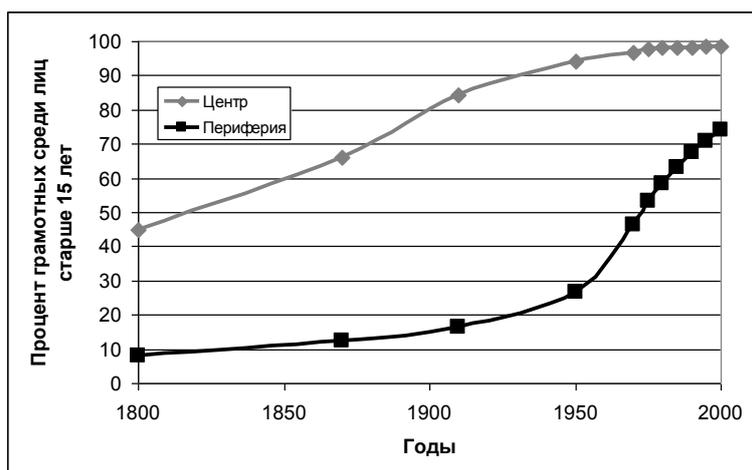
Анализ динамики разрыва после 1984 г. между первым и третьим миром с точки зрения ВВП на душу населения по базе данных А. Мэддисона дает результаты, очень близкие тем, что были получены нами выше по базе данных Всемирного банка. Однако только база данных Мэддисона дает возможность рассмотреть эту динамику в глубокой исторической перспективе. В двухтысячелетней перспективе это выглядит следующим образом (см. Рис. 15.26).

⁷ Middle income trap – подробнее об этой ловушке см., например: World Bank 2012: 12; Гринин, Коротаев, Цирель 2014.

Рис. 15.26. Динамика разрыва (в разы) между Западом (the West) и третьим миром по ВВП на душу населения (исчисленного в международных долларах Гири – Хамиса 1990 г. по паритетах покупательной способности), 1–2008 гг.

Как мы видим, в начале XIX в. разрыв в уровне экономического развития между центром и периферией Мир-Системы был довольно незначительным. Существовал, однако, один показатель, который на начало XIX в. резко отличал страны мир-системного ядра от периферийных стран. Речь идет об уровне грамотности населения (см. Рис. 15.27).

Рис. 15.27. Динамика грамотности населения центра и периферии Мир-Системы

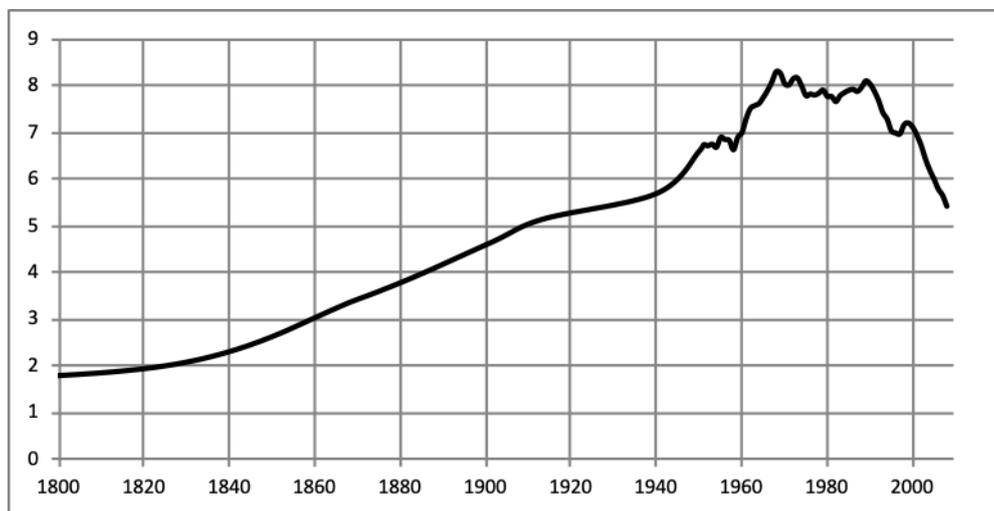
Источники данных: Мельянцев 1996; Morrison, Murtin 2006: Table 4; UNESCO 2010.

Наиболее быстрый экономический рывок в эпоху модернизации сделали страны с достаточно высокой грамотностью населения. На наш взгляд, этот факт отнюдь не случаен и отражает то обстоятельство, что решающим фактором экономического развития в эпоху модернизации стало развитие именно человеческого капитала (см., например: Мельянцев 1996; Добрынин и др. 1999; Denison 1962; Schultz 1963; Scholing, Timmermann 1988; Lucas 1988 и т. д.). Наше исследование (Коротаев, Малков, Халтурина 2007: 95–100) показало существование сильной и безусловно значимой линейной корреляции между уровнем грамотности в 1800 г. и показателем ВВП на душу населения в наши дни (подробнее см.: Коротаев, Халтурина 2009). При этом полученное нами значение коэффициента R^2

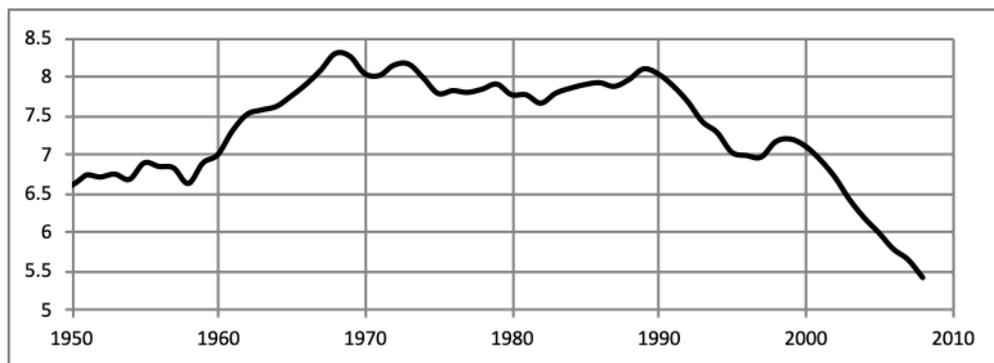
указывает на то, что данная корреляция объясняет 86 % всей дисперсии данных. Таким образом, гипотеза о том, что распространение грамотности является одним из сильнейших факторов экономического роста, получила дополнительное подтверждение. Грамотное население, с одной стороны, имеет гораздо больше возможностей для восприятия и использования достижений модернизации, а с другой – оно более активно производит инновации, способствующие дальнейшему модернизационному развитию и экономическому росту.

Исследования выдающихся советских психологов А. Р. Лурии, Л. С. Выготского и Ф. Н. Шемакина на основе результатов экспедиций в Среднюю Азию в 1930-е гг. показали, что образование оказывает фундаментальное воздействие на формирование познавательных процессов (восприятия, памяти, мышления). В ходе исследования выяснилось, что неграмотные респонденты в отличие от грамотных предпочитали конкретные цветовые обозначения абстрактным, а ситуативную группировку предметов – категориальной, на которой базируется абстрактное мышление. Кроме того, неграмотные респонденты не решали силлогистические задачи типа «Драгоценные металлы не ржавеют. Золото – драгоценный металл. Ржавеет золото или нет?». Эти силлогизмы казались респондентам бессмысленными, поскольку были вне сферы их практического опыта. Грамотные респонденты, получившие хотя бы минимальное формальное образование, легко решали предложенные силлогизмы (Лурия 1974; 1982: 47–69). Аналогичные результаты были получены и в других обществах с высокой долей неграмотного населения (Ember 1977; Rogoff 1981). Таким образом, грамотный рабочий, предприниматель, изобретатель и т. д. оказывается эффективнее неграмотного не только благодаря способности прочитать инструкции, документацию или учебные пособия, но и благодаря более развитым навыкам абстрактного мышления (подробнее о грамотности как факторе экономического роста см.: Коротаяев, Халтурина 2009).

Рассмотрим теперь динамику разрыва между первым и третьим миром в вековой и декадной перспективе (см. Рис. 15.28 и 5.29).

Рис. 15.28. Динамика разрыва (в разы) между Западом (the West) и третьим миром по ВВП на душу населения (исчисленному в международных долларах Гири – Хамиса 1990 г. по паритетах покупательной способности), 1800–2008 гг.

Рис. 15.29. Динамика разрыва (в разы) между Западом (the West) и третьим миром по ВВП на душу населения (исчисленному в международных долларах Гири – Хамиса 1990 г. по паритетам покупательной способности), 1950–2008 гг.

Как мы видим, разрыв между развитыми и развивающимися странами продолжал увеличиваться вплоть до конца 1960-х гг., в 1970-е гг. несколько сократился, но в 1980-е снова немного вырос. Примечательно, что как раз в 1990-е гг. западные экономисты предприняли массированное исследование проблемы конвергенции (см., например: Barro 1991; Bianchi 1997; Canova, Marcet 1995; Desdoigts 1994; Durlauf, Johnson 1995; Lee et al. 1997; Mankiw et al. 1992; Paap, van Dijk 1994; Quah 1996a; 1996b; 1996c; 1997; Sachs et al. 1995; Sala-i-Martin 1996). Наиболее распространенным способом исследования этого вопроса было сопоставление уровня разрыва в 1950-е или 1960-е гг., с одной стороны, и в последних точках данных (приходившихся, как правило, на конец 1980-х – начало 1990-х гг.)⁸. Как легко понять из Рис. 15.29, подобный анализ систематически приводил западных экономистов к выводу о том, что ни о какой конвергенции между развитыми и развивающимися странами речи быть не может, а речь должна скорее идти о продолжающейся дивергенции (хотя и достаточно слабо выраженной). Отметим, что под это заключение к тому времени была подведена и неплохая теоретическая основа – в виде теории возрастающей отдачи П. М. Ромера, из которой вполне логично вытекало, что развитые страны в тенденции должны расти быстрее развивающихся, а следовательно, разрыв между ними должен в тенденции скорее не сокращаться, а увеличиваться. Действительно, сам П. М. Ромер писал, что модель возрастающей отдачи предлагает «альтернативную точку зрения», противоположную основным допущениям теории конвергенции: «Производительность работников может расти неограниченно и, возможно, со скоростью, монотонно увеличивающейся с течением времени. Относительные объемы инвестирования и коэффициент отдачи на капитал могут не уменьшаться, а увеличиваться с ростом объема накопленного капитала. Уровни душевого производства в разных странах совсем не обязательно должны конвергировать; темпы роста в менее развитых странах могут быть систематически более медленными, более того, там может не наблюдаться вообще никакого роста» (Romer 1986: 1003).

Вместе с тем, как показывает все тот же Рис. 15.29, парадоксальным образом как раз в то самое время, когда западные экономисты пришли к почти единодушному выводу о

⁸ При этом чаще всего данное сравнение операционализировалось следующим образом: какова корреляция между уровнем ВВП на душу населения в странах мира в 1950/1960 гг. и темпами роста душевого ВВП в 1950/1960–1990 гг.? При этом значимая отрицательная корреляция вполне обоснованно интерпретировалась как свидетельство наличия глобальной конвергенции, значимая положительная – как свидетельство наличия глобальной дивергенции, а незначимая – как свидетельство отсутствия и глобальной дивергенции, и глобальной конвергенции.

том, что никакой конвергенции между развивающимися и развитыми странами не существует, эта самая конвергенция набирала все более мощные обороты⁹!

3. Великая конвергенция и глобализация: как колонии стали драйверами мировой экономики

Как мы видели в предыдущих параграфах, с момента достижения апогея Великой дивергенции в 1850–1870 гг. прошло еще более ста лет, пока явственно не обнаружилось, что в мировой экономике и в целом в развитии наметилась новая тенденция – к конвергенции. Но ретроспективно начало этого процесса можно увидеть еще в XIX в., когда, казалось бы, господство Европы и Запада было безраздельным. Главной причиной такого поворота стала, как ни странно, необходимость поддерживать экономическое развитие Запада и дивергенцию – рост экспорта капиталов и технологии в будущие развивающиеся страны, что, в свою очередь, привело к росту национальных сил, заинтересованных в достижении политической и экономической независимости, а также слоя предпринимательства с новой деловой этикой¹⁰. Рост экспорта капитала в конце XIX и начале XX в. из Англии и Европы, кроме того, означал начало формирования современной Мир-Системы. Центр ее стал с конца XIX в. смещаться из Англии в США (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2009а; Grinin, Korotayev 2012с), однако прежде чем это произошло окончательно, потребовались тяжелые кризисы первой половины XX в., которые одновременно повысили шансы колоний добиться политической независимости. Отметим, что процесс модернизации во многих восточных странах не представлял собой единого периода, а скорее имел несколько этапов, которые могли прерываться полосами социально-политической нестабильности, откатов или застоя. Пожалуй, лишь Япония представляет здесь исключение. А, например, история Египта или Китая ярко демонстрирует несколько этапов модернизации. «Модернизация на Востоке, – отмечал А. И. Яковлев (2015: 71), – длительный процесс (25–50–100 лет). Это не последовательно линейное, а прерывисто скачкообразное развитие системы, определяемое особенным для каждого случая сочетанием потенциала системы, усилий власти, возможностей общества и влиянием внешнего фактора».

Западные технологии и возникновение в конце XIX – начале XX в. предпосылок для поворота к конвергенции

Рост экспорта капитала как начало поворота. С появлением парового транспорта и развитием электрических коммуникаций увеличились возможности быстрого перемещения капитала и товаров. Вместе с политикой свободной торговли это привело к быстрому росту внешней торговли и экспорта капиталов в мире. Последнее также сильно затронуло и отстающие страны, хотя о равноправной торговле здесь речи не шло. В период с 1850 по 1870 г. рост мировой торговли составлял приблизительно 5 % в год (Held *et al.* 1999; см.: Хелд и др. 2004: 183–184), причем в целом ее рост в XIX в. превышал рост промышленности (см., например: Широков 1981: 39). Мощное железнодорожное строительство в США и ряде других стран (в том числе Аргентине, Индии, Австралии, России), бывшее локомотивом мирового развития на протяжении по крайней мере двух-трех последних десятилетий XIX в., вообще было бы немислимо без иностранного капитала. В целом роль Англии как крупнейшего экспортера капитала (вторым была Франция) оказывалась исключительно большой. Именно экспорт капитала «остужал», по выражению М. И. Туган-Барановского, подъемы экономики в Англии начиная с последней четверти XIX в. За 20 лет (с 1862 по 1882 г.), по отдельным данным, экспорт капитала из Англии вырос в 6 раз (Гобсон 1927: 61), в большей мере он осуществлялся в виде иностранных займов. По некоторым данным, в иностранные правительственные ценные бу-

⁹ На наш взгляд, это фиаско западной экономической науки было связано в очень высокой степени с тем обстоятельством, что западные экономисты пытались применять линейные в своей основе модели к анализу высоконелинейного процесса.

¹⁰ Это стало ясно довольно рано (см., например: Маркс 1957: 226).

маги к 1881 г. английским капиталом была вложена огромная по тем временам сумма – 700 млн фунтов стерлингов (Гобсон 1928: 135–136; см. также: O'Rourke, Williamson 1999: 209 и т. д.). Но на каждую сотню миллионов английских капиталов за границей приходилось в 1870-х гг. уже 60–70 миллионов французских капиталов (Мендельсон 1959, т. 2: 14). В этот период (так же как и в последующие), помимо Англии и Франции, экспортером капиталов была также Германия, причем ее роль все возрастала (Гинцберг 1970: 433–434), а импортерами – США, Италия, Россия, Япония (см.: Мельянцева 1996: 114–115; см. также: Amsden 2004; Allen 2011).

В последующий же период экспорт капиталов в разных формах приобретал все больший и больший размах и становился важнейшим локомотивом мирового развития, включая окраинные страны. Так, за 1880–1890 гг. Англия, Франция и Германия удвоили свои инвестиции за границей. За экономический цикл (1882–1893 гг.) было вывезено столько же капиталов, сколько и за всю предыдущую историю этих государств (см.: Мендельсон 1959, т. 2: 305; см. также: Rippey 1959). «Эта постоянная и все возрастающая эмиграция капитала из стран старой капиталистической культуры представляет собой фактор огромной важности в деле распространения капиталистической системы хозяйства по всему миру. Именно благодаря приливу капитала в молодые страны капитал так быстро завоевывает в новейшее время одну страну за другой: эмигрируя за границу, капитал остается капиталом и всюду разносит новую систему хозяйства» (Туган-Барановский 2008 [1913]: 273). Этот процесс, уже очень заметный в конце XIX – начале XX в., стал еще более интенсивным в первой половине XX в. Например, европейские, американские и японские капиталовложения в Юго-Восточную Азию перед Второй мировой войной составляли весьма крупную сумму в 3,2 млрд долларов (Васильев А. М. 1977: 175; Hall 1955; Холл 1958: 521; см. также: Amsden 2004: 108).

Железнодорожная сеть Азии и Африки увеличилась вдвое за 1890-е гг. (Мендельсон 1959, т. 2: 385). А к началу Первой мировой войны к югу от Сахары было проложено 35 тыс. км железных дорог (Allen 2009; Аллен 2013: 151). Начало XX в. ознаменовалось увеличением в два раза железнодорожного строительства вне западных стран (то есть в Латинской Америке, Африке, Азии, Канаде, Австралии и т. п.). Всего без США и Европы в мире за 7 лет (с 1900 по 1907 г.) было построено 72 тыс. км дорог (рассчитано по: Мендельсон 1959, т. 3: 33; см. также: Amsden 2004). Вообще длина железнодорожных путей в ряде стран будущего третьего мира к началу Первой мировой войны была весьма солидной. Так, в Индии она равнялась почти 56 тыс. км, что было больше, чем в Англии и Франции, и почти соответствовало длине германских железных дорог. В Бразилии, Мексике, Аргентине длина дорог составляла соответственно 24,9; 25,5; 33,2 тыс. км (Мельянцева 1996: 130)¹¹. По данным Ч. Иссави и А. Мэддисона, в 1870–1914 гг. общий объем иностранного капитала (в неизменных ценах), инвестированного в страны будущего третьего мира, вырос в 5,3–5,5 раз, причем основная часть этих средств была вложена в инфраструктуру и добывающую промышленность (Там же: 131; Issawi 1981; Maddison 1989a; см. также: Rippey 1959; Amsden 2004). Довольно активно развивались и другие коммуникации (речной и морской пароходный транспорт, телеграф и т. п.), а также и шоссейные дороги, которых, например, к 1938 г. в Британской Бирме было построено 6 тыс. миль (Холл 1958: 507–508). Формировалась и финансовая система (банки и другие учреждения [об Индокитае, Яве см.: Там же: 509, 512]).

В результате инвестиций в инфраструктуру и включения хозяйства периферийных стран в мировую торговлю и отдельные отрасли производства (ткани, табачных изделий и пр. [Amsden 2004]) активно рос их экспорт, хотя периферия была в основном постав-

¹¹ Благодаря этому уже в последние десятилетия XIX в. уругвайские и аргентинские пшеница и мясо смогли достичь европейских рынков (последнее благодаря появлению рефрижераторов), а Чили стала активно экспортировать медь и гуано.

щиком сырья и некоторых сельскохозяйственных культур (см., например: Гуревич 1986), в меньшей степени – поставщиком промышленных полезных ископаемых и топлива (таких как медь, свинец, олово, железная и некоторые другие виды руды и металла, сера, селитра, нефть и т. п. [Холл 1958; Rippey 1959; Yergin 1991]). В 1870–1928 гг. в Индии, Китае и Бразилии экспорт в физическом выражении ежегодно увеличивался на 2–3 %, а в Индонезии и Аргентине – даже на 4,5–5 %¹²; в Корею, которая в условиях активной ее эксплуатации Японией наращивала свою индустрию, были зарегистрированы и вовсе высокие темпы: в 1900–1929 гг. – 10,5–11,5 %¹³ (van der Wee, Blomme 1992; Amin 1970; Maddison 1989b; Morris, Adelman 1988; Perkins 1969; Amsden 2004). Правда, в годы Великой депрессии многие развивающиеся страны пострадали в связи с резким падением объемов торговли. При этом в 1870–1920-х гг. рос и индекс условий торговли периферийных государств, поставлявших сырье и сельскохозяйственные товары, особенно в годы Первой мировой войны (Asselain 1985: 272; Bairoch 1992: 410; Perkins 1975: 34; Goldsmith 1986: 54–55; Hansen, Lukas 1978: 431; Heston 1983: 903–904; Issawi 1982: 39; Leff 1982: 82; van der Meer 1989: 283). Потребность в сырье, особенно в некоторых его видах, таких как каучук или джут, была в западных странах весьма высокой.

Как отмечается, появление новых технологий, капиталов и товаров, а также попытки модернизации в восточных странах привели к возникновению местной промышленности, буржуазии и пролетариата, то есть к очень важным социально-экономическим изменениям. Но, на наш взгляд, особенно важным было появление местной интеллигенции, овладевшей западной системой знаний и идей (см.: Косач 2005: 308–311), что привело к целому ряду значительных социальных движений начала XX в. в Турции, Иране, Китае, Индии, Филиппинах, Египте и т. д. Восток, оставаясь еще значительно отсталым, тем не менее начинал двигаться в общемировом направлении, все более включаясь в Мир-Систему. Важно также отметить, что именно в тех странах будущего третьего мира, в которых происходили те или иные модернизационные изменения (какими бы слабыми и часто даже противоречащими интересам этих стран они ни казались), быстрее всего проявились и успехи во второй половине XX в.

Политический кризис западных стран и политический подъем периферийных обществ. К началу XX в. возможности территориальной экспансии Запада оказались почти исчерпанными. В то же время в связи с бурным развитием экономик европейских стран усилились противоречия между ними. Результатом этого стало противостояние, вылившееся в две кровопролитные мировые войны, которые резко уменьшили значение Европы в мировой экономике и политике. Имели место, как уже было сказано, также мощные социальные революции и движения, которые в итоге способствовали изменению социальной политики в западных странах. Вместе с сокращением роли Европыросло могущество США как главной страны западного мира, и в итоге после Второй мировой войны произошла политическая консолидация западных стран во главе с США в борьбе с коммунизмом. Конечно, в начале XX в. было крайне сложно поверить, что через 50 лет от громадных колониальных империй останутся жалкие обломки, так же как трудно было поверить в начале XIX в. в то, что через полвека мир свяжут железные дороги и телеграф. Полвека в мире с индустриальной экономикой и постоянными инновациями – очень большой срок.

Экспорт новейших технологий, активное развитие сельского хозяйства по производству необходимого сырья, знакомство элиты колониальных стран с западным образованием, рост местного предпринимательства (см., например: Amsden 2004), ослабление западных стран в результате войн и кризисов – все это привело к усилению политического

¹² В стоимостном выражении экспорт из Индонезии за 1850–1914 гг. вырос в 13 раз (Гуревич 1986: 66).

¹³ В годы Второй мировой войны промышленность Кореи производила до 1/3 всех необходимых Японии материалов и изделий (Пак 1986: 472).

освободительного движения (см., например: Grenville 1994; Гренвилл 1999). Как уже было сказано, это создало новую ситуацию. С одной стороны, для сохранения политического господства западные правительства в межвоенный период стали делать существенно больше (одновременно и гуманитарная направленность их деятельности усилилась), а с другой – рост самосознания вызывал большую активность (о противоположном влиянии европейских стран, а также изменениях в управлении колониями и национальными элитами см.: von Albertini 1971; 1982). Кроме того, усилилось влияние других стран, пример которых будоражил умы, прежде всего СССР и Японии. Идея активной индустриализации с помощью государства для ликвидации отсталости в кратчайшие сроки проникала в умы политических деятелей (см., например: Nehru 1949; Неру 1977). Жизнь позже показала, что только с помощью собственных сил и государства сделать это невозможно. (Однако и само собой, без больших усилий государства, это также не происходит.) Таким образом, идея «самоусиления», появившаяся в наиболее развитых восточных странах вначале как желание создания сильной современной армии, стала активно проникать в умы политических элит (в том числе и Латинской Америки), но уже на более широкой базе, как концепция глубокой модернизации общества. Правда, нельзя не отметить, что эта идея сталкивалась с идеологией особого пути развития отдельных стран и цивилизаций, с сохранением устаревших институтов. Например, М. Ганди (и далеко не он один), опираясь на свой идеал мелкого производства, был противником «машинной цивилизации», считал, что машины – это зло. Близких ему взглядов придерживался и иранский мыслитель А. Кесрави (см. подробнее: Дробышев 1986: 246–247). Но и подобные деятели вынуждены были признать необходимость индустриализации.

В двух мировых войнах многие периферийные страны участвовали как союзники их метрополий (хотя в Индии политические силы во время Второй мировой войны стояли скорее на позиции отказа в помощи Англии, а некоторые политические деятели даже «заигрывали» с Германией и Японией [см., например: Кей 2011]). Однако если Первая мировая война почти не затронула колонии и полуколонии, то Вторая мировая, особенно японская оккупация, коснулась многих из них. Доминионы и колонии Англии оказались вовлеченными в борьбу. Все это вызвало активный подъем самосознания (см., например: Юрьев 1994: 3–12). И, как известно, ослабление Запада вызвало волну антиколониальной борьбы, которая привела к тому, что в течение двух десятилетий образовалось несколько десятков самостоятельных государств. Интеллигенция этих обществ была полна радужных надежд, что скоро их страны станут процветающими, но оказалось, что от политической свободы до экономического процветания огромная дистанция. Тем не менее мир резко изменился, его конфигурация стала совершенно иной. Он стал состоять из трех миров: развитого «капиталистического» (первого), «социалистического» (второго) и развивающегося (третьего). Но отметим, что такое деление терминологически оформилось только в 1950-е гг.¹⁴

4. Запад и Восток после Второй мировой войны: технология и политика

Научно-информационная революция. Новый подъем Запада. Пессимизм в отношении Востока. Несмотря на надежды пророков социализма, после Второй мировой войны западные страны не только не вступили в период перманентного кризиса, но, оправив-

¹⁴ Отметим, что сам термин «третий мир» первоначально сложился как политический (военно-политический), в него входили не присоединившиеся к военно-политическим блокам страны (притом что далеко не все развивающиеся страны были неприсоединившимися). Индия во главе с Дж. Неру и Египет во главе с Г. А. Насером играли важную роль в Движении неприсоединения. Только позже между терминами «третий мир» и «развивающиеся страны» поставили знак равенства. Следовательно, на первых порах третий мир решал политические проблемы, и сама конвергенция выступала как выбор пути модернизации (капиталистический или социалистический).

шись, продемонстрировали невиданные темпы роста. Это произошло благодаря, с одной стороны, глубоким изменениям в западных обществах, связанным с усилением роли государства в социальном и экономическом регулировании и устранением дискриминаций в отношении различных групп населения (Гринин 2009в; 2010г; Grinin 2012a), а с другой – благодаря начавшейся научно-кибернетической (информационной) революции, в использовании достижений которой эти общества лидировали. Неудивительно, что в этот период образовался особенно плотный кластер инноваций (см.: Гринин 2013г; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а). Очень велика была доля новой продукции в центральных экономиках Мир-Системы. Так, по оценке фирмы «МакГро-Хилл» (McGraw-Hill), доля новой продукции, которая появилась на рынке после 1952 г., достигла в выпуске промышленности США в 1970 г. в секторе общего машиностроения 85 %, электротехнического – 97 %, автомобильной промышленности – 77 % (Клинов 2006: 87). А в целом доля продукции машиностроения и химической индустрии в обрабатывающей промышленности США к концу 1960-х гг. превысила 56 % (Он же 1992: 177, 179–180).

В 1950–1970-е гг. эта революция проявила себя мощным развитием химии искусственных материалов, внедрением автоматизации в производство, развитием биотехнологий, которые позволили производить новые лекарства, пищевые и кормовые добавки, совершить многочисленные изменения в большинстве отраслей. Активно развивались некомпьютерная электроника и средства связи (подробнее см.: Grinin 2012a; Grinin L. E., Grinin A. L. 2013; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; 2015б). Наконец, создание первых ЭВМ в 1940–1960-е гг. привело в последующие десятилетия к информационной революции, изменившей буквально все. Западная экономика становилась все больше экономикой услуг (Bell 1973; Hartwell 1976; Toffler 1980; см. также: Gibson 1993; Krahn *et al.* 2008). При этом западные общества достигли беспрецедентного роста уровня жизни. Общество всеобщего благосостояния стало реальностью.

В то же время и в третьем мире происходили огромные перемены. Помимо того, что в этих странах укреплялась самостоятельная государственность, главные изменения касались начавшегося в большинстве из них демографического перехода, связанного с внедрением в развивающиеся страны достижений современной медицины. Как известно, это привело к потрясающим темпам роста населения в них и в мире в целом (см. выше). Темпы естественного прироста в развивающихся странах увеличились с 1,3 % в 1940-х гг. до 2,54 % в 1971 г., и соответственно в абсолютных цифрах прирост их населения за 1940-е гг. составил 216 млн чел., а за 1970-е гг. – приблизительно 673 млн (рассчитано по: Maddison 2010; сходные оценки см., например: Широков 1981: 83; UN Population Division 2016). Как мы показывали выше, соотношение по населению между Западом и Востоком изменилось радикально (см. Рис. 15.12). Можно с достаточной уверенностью утверждать, что вряд ли на нашей планете повторятся такие относительные темпы роста населения, которые наблюдались в 1960–1970-е гг. Таким образом, ведущий эволюционный тренд предшествующих тысячелетий, который выступал как главный показатель развития (см. предыдущую главу), достиг апогея и с 1970-х гг. начал постепенно снижаться. Именно этот момент можно считать и точкой перелома, после которой тренд Великой дивергенции стал сменяться трендом Великой конвергенции в мире. Почему? Во-первых, теперь незападный мир окончательно закрепил свое преимущество в трудовых ресурсах, которое спустя некоторое время стало более заметным и будет все сильнее проявлять себя дальше, в то время как западный мир оказался на пике использования своих трудовых ресурсов (см. выше). Во-вторых, постепенное снижение рождаемости в развивающихся странах в 1990-х гг. означало, что в незападных странах уровень развития человеческого капитала существенно вырос и начинается переход к современной экономической модели.

Однако далеко не все из этих перемен были явно заметны, другие представлялись в апокалиптическом свете. А в условиях быстрого развития западных стран догнать их казалось немислимым. Неудивительно, что в 1950–1970-е гг. среди латиноамериканских и «левой» части экономистов западного мира была относительно популярна теория зависимого развития или зависимо-ассоциированного ассоциированного развития (см., например: Prebisch 1950; 1959; Cardoso, Faletto 1979; Furtado 2003; 1999; см. также: Toye J., Toye R. 2003). Эту теорию часто применяли в отношении латиноамериканских стран, испытавших несколько волн модернизации, но так и не догнавших развитые страны¹⁵. Общая идея такого подхода заключалась в следующем: мировая экономическая система устроена таким образом, что дает столь заметные преимущества развитым странам при торговле и других транзакциях с развивающимися (в частности, в неэквивалентном экспорте), что генерирует неравенство и вечную отсталость развивающихся государств¹⁶.

Однако, вопреки прогнозам многих из вышеуказанных и других экспертов (см., например: Prebisch 1959; Bairoch 1964; Sunkel 1966; Wallerstein 1974; 1987; Amin 1976; 1994; 1997; Bornschieer 1976; 1981; 1982; 1983; Bornschieer, Chase-Dunn 1985; Frank 1979; MacPherson, Midgley 1987; Love 1980), писавших в 1950–1980-е гг. о замкнутых и порочных кругах отсталости развивающихся стран, из которых почти невозможно вырваться, реальная ситуация во многих из них двумя-тремя десятилетиями позже оказалась достаточно оптимистичной (см., например: Мельянцев 1996).

Тем не менее в целом уже в 1950–1960-е гг. третий мир догнал первый по темпам роста ВВП, а далее успехи стран третьего мира возрастали. Так, произошел рост нормы капиталовложений с 6–8 % от ВВП в 1900–1938 гг. до 21–23 % от ВВП в 1950–1993 гг. (Мельянцев 1996: 220; об этих, а также последующих периодах см. также: Он же 2000; 2009; 2013). Развивающиеся страны стали обгонять по темпам изменения индексов развития развитые (Там же). Одним словом, эти страны выходили на современные темпы роста и других показателей, но для сокращения разрыва им было необходимо сделать более мощный рывок. Отставание третьего мира от первого по темпам роста ВВП на душу населения в 1960–1970 гг., повторим, было связано прежде всего с тем обстоятельством, что подавляющее большинство развивающихся стран в это время еще не вступило во вторую фазу демографического перехода. При этом за фактом огромной отсталости стран третьего мира от западных ускользало важнейшее позитивное изменение: первые страны стали развиваться намного быстрее, чем раньше, и особенно это проявлялось в развитии человеческого капитала (как ни убога была действительность, но медицина, образование и культура в этих странах делали огромные шаги в развитии). Фактически отставание развивающихся стран было очевидным только в сравнении с успехами развитых, но на самом деле во многих из них происходили глубокие перемены, причем и темпы роста экономики (в частности, заметно вырос экспорт), и темпы роста ИЧР давно превзошли доиндустриальные и стали современными.

В целом по третьему миру удельный вес населения, живущего за чертой бедности, понизился с 45–50 % в 1960 г. до 24–28 % в 1990 г. Уровень грамотности взрослого населения, составлявший в третьем мире в 1900 г. 14–15 %, возрос с 28 % в 1950 г. до 69 % в 1993 г., а среднее число лет обучения – с 1,6 до 5,8 (Bairoch 1983; Мельянцев 1996). Высокими темпами (с 200 до 70 % в 1950–1993 гг.) сокращалась в развивающихся государствах и детская смертность. В целом общее улучшение экономических и сани-

¹⁵ В современной экономической литературе это явление также было названо «концом стандартной модели модернизации» (см., например: Allen 2011; Аллен 2013).

¹⁶ Эти идеи получили дальнейшее развитие в мир-системной теории (Frank 1979; Wallerstein 1987; Arrighi 1994). Теория зависимости как теория в целом уже потеряла свою значимость, но ее важные идеи используются в том или ином виде и современными исследователями (James 1997; Köhler, Tausch 2002; см. также: Бобровников 2004; 2011; Хорос, Красильщиков 2001).

тарных условий в третьем мире способствовало росту средней продолжительности жизни, которая за 1950–1993 гг. увеличилась почти вдвое – с 35 до 64–66 лет (Мельянцев 1996: 199; World Bank 2019).

Но, разумеется, развитие третьего мира было крайне противоречивым, поскольку значительная отсталость сохранялась, а вопиющая бедность и нищета не исчезали, а местами даже увеличивались, и крайне неравномерным – наряду с быстрым продвижением одних развивающихся стран по пути прогресса другие могли даже увеличивать свое отставание. Причем неравномерность была как между странами, так и внутри отдельных государств, где некоторые регионы уже становились похожими на районы развитых стран, а другие продолжали быть заповедниками отсталости.

Развивающиеся страны продемонстрировали и значительное многообразие путей и методов экономического развития (Грановский 1988: 314). Не все из них оказались удачными, однако тем самым накапливался необходимый опыт развития, подтягивались разные сектора экономики. Так, только до середины 1980-х гг. в развитии Индии советские исследователи выделяли следующие режимы экономического роста: 1) экономической стабилизации (до середины 1950-х гг.); 2) несбалансированной индустриализации (с середины 1950-х до середины 1960-х гг.); 3) подтягивания сельского хозяйства (с середины 1960-х до середины 1970-х гг.); 4) развития, ограниченного динамикой внутреннего рынка (с середины 1970-х гг.) (Он же 1986: 140). С начала 1990-х гг., как известно, начался новый, более либеральный (и значительно более эффективный) экономический режим¹⁷.

А. Е. Грановский (Там же: 134) выделил также три компонента экономической политики в развивающихся странах в 1960–1980-х гг.: декларативный, компенсаторный и структурно-преобразующий. Декларативный компонент был представлен плановыми задачами, не обеспеченными ресурсами и возможностями. Именно такого рода задачи нередко истощали силы слабой экономики и вели к кризисам. Компенсаторное воздействие проявилось особенно отчетливо в кредитовании (часто неэффективном) мелкого производства. Но в целом реформаторская и целенаправленная деятельность молодых государств вела к развитию.

Отметим также, что в 1960-х гг. в развивающихся странах наблюдался опережающий рост тяжелой промышленности. Среднегодовые темпы тяжелой промышленности составляли 8,4 %, а легкой – 4,8 % (UN Department... 1973: 17; Бабинцева 1982: 24). Эта тенденция, но уже с меньшим отрывом, продолжалась и в 1970-е гг. Это было само по себе очень важно для становления национальных экономик, вопреки последующим экономическим идеям, что в принципе неважно, какой именно сектор экономики развивать, если он достаточно эффективен (см. критику этого подхода: Райнерт 2011 [Reinert 2007]). Однако поскольку очень многие из этих предприятий были государственными, они часто оказывались убыточными. Поэтому другим важнейшим и в определенной мере более эффективным каналом трансфера технологий стали ТНК.

В конце концов в 1970–1980-е гг. сформировались и наиболее эффективные экспортно ориентированные модели развития (см.: Amsden 2004; Бреннер 2014). Однако, повторим, эти видимые теперь ретроспективно перемены в 1970-е и даже 1980-е гг. были достаточно глубоко «спрятаны», а на поверхности оказывались рост бедности, безработицы и углубление отставания от западных стран (как кажущееся, так и реальное – прежде всего по ВВП на душу населения). Хуже всего, как уже было сказано выше, что экономистам казалось, будто такое отставание никогда невозможно преодолеть из-за порочности самой экономической системы мира. Но как часто бывает в эволюционных и экономических процессах, достижение какой-то тенденцией наиболее зримых черт озна-

¹⁷ А предыдущий период, особенно 1980-е гг., привел к серьезному кризису, выход из которого был найден в результате реформ 1991 г., после чего темпы роста Индии ускорились (см. Гринин, Коротаяев 2016: Глава 8).

чает, что она уже исчерпала себя, только поверхностному наблюдателю это незаметно. За всеми проблемами бедного Юга, за всем богатством и мощью Запада прослеживались признаки поворота к конвергенции. Сначала она проявилась явственно в успехах небольших «азиатских тигров» (Berger 1986; Бергер 1994), а затем и в продвижении более крупных стран. Вместе с процессом современной глобализации и общим ростом технологий происходит активное включение периферии в мировой технологический процесс. Возрастает стремление к привлечению капиталов и технологий, начинается интенсивная работа по созданию для этого условий. Близилась Великая конвергенция.

5. Начало поворота к конвергенции: причины и проявления

«Подъем остальных» (rise of the Rest) был одним из феноменальных изменений во второй половине XX в. (Amsden 2004: 2). Невозможно говорить о какой-то единственной причине, которая стала определяющей в смене вектора развития с Великой дивергенции на Великую конвергенцию. Если же поставить задачу все-таки указать только одну такую причину, то она, по нашему мнению, заключается в том, что процесс быстрого экономического сближения разных стран планеты для обеспечения дальнейшего инновационного развития рано или поздно требует выравнивания (хотя бы до определенного пункта) уровней развития разных регионов мира. Это можно назвать законом сообщающихся сосудов мировой экономики. До какого-то времени этот закон действовал не в полную силу, так как имелись социокультурные, технологические и политические препятствия для его реализации. Но практически неизбежно эти препятствия ослабевают, и тогда отстающие регионы начинают развиваться быстрее именно за счет более развитых стран. Подробнее об этом мы поговорим далее.

Тем не менее, как и в случае с догоняющей дивергенцией, гораздо правильнее говорить о комплексе таких причин. Ниже дан перечень факторов, приведших к тому, что темпы роста и развития стран третьего мира в итоге стали существенно выше, чем у государств первого мира. К сожалению, мы не можем подробно останавливаться на описании каждой из причин, поэтому ограничимся кратким перечислением, а в рамках этого перечисления дадим к некоторым аспектам дополнительные комментарии (см. также Гринин, Коротаев 2016: Главы 2 и 3).

Поскольку всякая иерархия причин была бы достаточно спорной, мы расположили их с учетом хронологии, насколько это было возможно.

Основные причины

Политические и идеологические причины и факторы

Изначально США (почти не имевшие, отметим, собственных колоний) были настроены гораздо более решительно, чем Великобритания и Франция, в плане того, что народы, лишённые независимости, должны обрести ее и что, даже оставаясь в статусе колонии, народы последних имеют право требовать, чтобы распределение богатств было более справедливым. Эта позиция облегчала борьбу за независимость. Так, например, Ф. Рузвельт резко критиковал Англию за методы торговли с колониями, соответствовавшие уровню XVIII в., и считал, что необходимо перейти к методам XX в., которые означают развитие промышленности в колониях и рост благосостояния народа путем повышения его жизненного уровня, просвещения, оздоровления, а также получения компенсации за его сырьевые ресурсы (Рузвельт 1947: 230–233). Впоследствии, конечно, США также не гнушались, если им было выгодно, использовать методы прошедших веков, однако кое-какие факторы (указанные ниже) препятствовали этому. Соединенные Штаты также оказывали разнообразную помощь отсталым странам, стремясь использовать ее в разных аспектах – от поддержки своего имиджа самой демократической страны до манипулирования голосованием в различных международных организациях. Конечно, нередко эта

помощь использовалась для получения в итоге выгоды для тех или иных крупных корпораций или экономики США в целом, а также для экономического закабаления тех или иных развивающихся стран (см., например: Перкинс 2012). Но при всех издержках экономический рост в третьем мире происходил, и экономика этих стран обретала современные черты.

Рост (военно-)политической значимости развивающихся стран. Она возросла уже во время Второй мировой войны, усилилась в результате борьбы капитализма и коммунизма, в процессе формирования военных блоков, баз и т. п. Это так или иначе требовало от Запада (и от социалистического блока) технической, финансовой и иной помощи периферийным странам, подтягивая восточные страны к более высокому уровню. Идеино-политическая борьба коммунизма и капитализма способствовала тому, что западные страны вынуждены были усилить разнообразную помощь, особенно некоторым странам, где противостояние было велико. Причем именно последние и совершили ранний прорыв (Тайвань, Гонконг, Южная Корея). Также помощь оказывалась и иным странам, которые по каким-либо причинам были важны для Запада, например, для того чтобы поддерживать равновесие на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, в бывших колониях и т. п. Также усилилось значение идейного фактора (ответственности Запада, его вины перед колониями), общей гуманитарной составляющей, которые создавали почву для мобилизации общества на помощь развивающимся странам.

Роль СССР и коммунистических стран. Хотя в итоге социалистический путь и оказался тупиковым, в результате сотрудничества второго и третьего мира происходила существенная промышленная модернизация, передача технологий, причем формировалась тяжелая промышленность – СССР и другие соцстраны оказывали помощь разным государствам, многие из которых не приветствовали социализм советского типа, но принимали государственный индустриализм (Индия, Египет и др.). Делался наиболее важный шаг в создании промышленности.

Аспекты международных и региональных организаций

Роль развивающихся стран за счет их многочисленности была особенно наглядно видна в различных международных организациях. Соответственно помощь развивающимся странам усиливалась и через различные международные организации, фактически она была поставлена на научную основу, к ней были привлечены ведущие специалисты. Словом, Запад вынужден был осознавать необходимость подтягивания развивающихся стран, чтобы разрыв не слишком увеличивался. Запад не был заинтересован в том, чтобы они догнали его, но он был заинтересован в том, чтобы они не отставали сильнее. Поэтому наиболее одиозные формы отсталости и социальных отклонений: голод, межплеменная резня, затяжные гражданские войны, полное игнорирование действий по модернизации (образования, медицинской помощи и т. п.) – рассматривались как крайне нежелательные или просто нетерпимые, оказывались в поле внимания и купировались.

В рамках региональных организаций было легче освоить новый опыт, частично получить помощь, принять новую идеологию и определенные стандарты, а также договариваться с западными странами. Региональные международные организации развивающихся стран, хотя и не столь эффективные, как хотелось бы, тем не менее способствовали продвижению в решении тех или иных задач. То же касается и ассоциации развивающихся стран с западными странами (в рамках Британского Содружества, контактов с европейскими интеграционными структурами и т. п.).

Рост разнообразия (и соперничества) программ развития. С обретением независимости множеством стран, в условиях борьбы капитализма и коммунизма, региональной борьбы (как на Ближнем Востоке) появилось и много разных вариантов модернизации.

А большое разнообразие давало больше шансов, что те или иные варианты победят, окажутся успешными. История и модель успеха могли копироваться.

Экономические причины и факторы

Рост значения развивающихся стран как поставщиков промышленных полезных ископаемых и сельскохозяйственного сырья (древесины, продуктов сельского хозяйства, руд и т. п.).

Если в XIX в. из всех видов сырья особенно важным для европейской промышленности был хлопок, несколько позже незаменимым стал натуральный каучук, то затем сырьевым товаром номер один стала нефть. Если углем европейские страны были богаты, то запасы нефти в них оказались ограниченными. Причем зависимость от нефтяных поставок только росла. Борьба за нефть в рамках подъема национальных экономик и началась уже в 1920-х и 1930-х гг., наиболее известный ее эпизод – Мексика, национализировавшая нефтяные компании; после Второй мировой войны акты национализации были важными событиями, которые, однако, постоянно перемежались со свержением правительств, стремящихся к национализации (наиболее ярким примером является история Ирана 1950-х гг.). При этом росло и значение, и самосознание стран, обладавших нефтью или другим стратегическим сырьем. Вторая мировая война показала, насколько важным является обладание нефтяными ресурсами. Поэтому уже в скором времени после войны Ближний Восток становится стратегически важным регионом. Саудовская Аравия стала ключевым фокусом для США и рассматривается как ценнейшее приобретение в области иностранных инвестиций. Неудивительно, что уже в 1950 г. президент Г. Трумэн написал письмо королю Саудовской Аравии, в котором заверял, что любая угроза королевству будет немедленно воспринята как требующая внимания и заботы США (Ергин 1999: 329). Таким образом, стратегическое партнерство Саудовской Аравии (и позже – стран Залива) и США начало формироваться довольно давно. 1960 г. стал важной вехой в развитии нефтедобывающих стран, так как в Багдаде была образована Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК). Ее основателями стали Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия и Венесуэла. ОПЕК стала самой влиятельной наднациональной организацией развивающихся стран после революционного повышения цен на нефть в 1970-х и 1980-х гг., что ознаменовало начало перелома в отношениях между развитыми и развивающимися государствами. В итоге именно в области поставок нефти впервые в истории развивающиеся страны одержали решительную победу над Западом, и впервые экономические действия стран третьего мира вызвали мировой экономический кризис.

Рост нефтедобычи впоследствии стал для целого ряда стран дорогой к росту благосостояния, импорту капитала и даже конвергенции. И в целом нефть стала в 1970-е гг. своеобразным символом роста возможностей третьего мира в отношении Запада. Разумеется, нефтяные доходы довольно длительное время тратились не особенно рационально (и во многом такая ситуация сохраняется до сих пор), но в целом они стали важнейшим источником накопления развивающихся стран и дали возможность проводить важные реформы в некоторых государствах, связанные с подъемом сельского хозяйства, ростом образования, развитием систем здравоохранения и т. п.

✓ Успехи в подъеме сельского хозяйства благодаря «зеленой» революции и помощи развитых стран (о зеленой революции мы говорили в главе 9; см. также Гринин, Гринин 2015; Гринин, Коротаев 2016).

Общая роль развивающихся стран в условиях уплотнения контактов и зависимости стран друг от друга. Естественно, увеличение эмиграции в западные страны требовало борьбы с эпидемиями в развивающихся странах, поставками наркотиков, прочими негативными факторами. Исключительно важным стало осознание того, что бурный прирост населения в развивающихся странах требуется поставить под контроль, для чего стали

разрабатываться разные программы и осуществляться реформы образования, просвещения, улучшения быта, медицины, развития сельского хозяйства и многое другое.

Начало сокращения численности трудоспособного населения в странах Запада и фактическое расширение возможностей там работать для мигрантов из развивающихся стран (источник накопления и информации).

Роль ТНК. Среди многих факторов, способствующих не только глобализации и интеграции мира, но и переносу технологий, развитию в странах третьего мира современных форм экономики, выполняющих роль агентов, включающих эти страны в международное разделение труда, требующих тех или иных реформ, развития инфраструктуры и т. п., особое место занимают ТНК. Транснациональные корпорации становятся каналами, через которые проходят новые линии связи стран, институтов, фирм и пр., «переливаются» не только новые технологии, товары, но и услуги, взгляды и т. п. (Amsden 2004: 2). Особенно быстрый рост ТНК пришелся на 1950–1960-е гг., что совпало с периодом становления молодых государств и, естественно, вызвало множество конфликтов. В 1971 г. объем заграничного производства ТНК уже превзошел объем экспорта развитых стран. В итоге в 1970-х гг. темы, касающиеся ТНК, а также международного бизнеса и иностранных инвестиций в целом (Zamora 1977), в литературе стали очень популярными (см., например: Barnett, Muller 1974; Weinshall 1975; Gilpin 1975; Buckley, Casson 1976; Wallace 1976; Hood, Young 1979). Хотя большинство экономистов рассматривали результаты деятельности ТНК как положительные, тем не менее оценки их деятельности в СМИ разных стран были полярными. И это неудивительно. Подобно организациям прежнего времени, которые, имея перед собой конкретные цели (разного свойства, от чисто эгоистических до самых возвышенных) и добиваясь их, оказывались орудиями прогресса, ТНК, преследуя свои интересы, стали одной из важнейших сил изменения представлений о суверенитете, о роли национальных границ (см., например: Vernop 1971; Strange 2003; см. также: Grinin 2008b; 2011a; 2012c; Гринин 1999a; 1999b; 2009в). Подобно прежним силам, они сразу несли и плохое, и хорошее; таким и бывает прогресс, являющийся побочным результатом активного достижения целей могущественных сил¹⁸. Эгоистические интересы ТНК (вместе с эгоизмом правящих групп и элит соответствующих стран) нередко вели к многочисленным конфликтам, переворотам, кризисам, дефолтам во многих странах периферии (см. некоторые подробности подобных влияний: Перкинс 2012; см. также: Фергюсон 2014а). Борьба национальных правительств и ТНК в ряде случаев носила очень острый характер (с одной стороны, акты национализации и экспроприации, с другой – подкуп, игнорирование национальных проблем и преследование корыстных интересов самыми разными способами вплоть до военных переворотов). С обеих сторон противоборство оправдывалось идеологически: правом государства или волей народа; приматом технического прогресса и святостью частной собственности. Ф. Барнет и Р. Мюллер справедливо считали, что транснациональные корпорации порождены «планетарной трансформацией» и одновременно способствуют ее развитию. Однако, оправдывая деятельность ТНК, они требовали для них слишком многого, в частности получения права «переступить» через национальное государство и в ходе этого процесса трансформировать его (Barnett, Muller 1974: 18–19). Затем взаимоотношения государств и корпораций стали более совместимыми, ибо в отличие от многих других исторических агентов ТНК оказались достаточно гибкими и умерили свои амбиции, так что сегодня уже меньше опасений за суверенитет, хотя острые конфликты время от времени возникают, особенно в отношении финансовых корпораций. Одновременно усиливалась борьба за повышение социальной ответственности корпораций, что также способствовало большому консенсусу интересов общества и корпораций в разных стра-

¹⁸ Их роль, равно как и противоречивость результатов их деятельности, можно сравнить с Ост-Индскими компаниями в XVII–XVIII вв. в отношении установления контактов между Европой и Азией.

нах¹⁹. В свою очередь и государства научились лучше их контролировать. При этом если в 1950–1970-е гг. ТНК в основном создавали свои филиалы в развитых странах, то с 1980-х гг. все активнее – в развивающихся. В итоге значение этих корпораций для быстрого подъема развивающихся стран, особенно в эпоху деиндустриализации Запада, трудно переоценить.

Научно-технический прогресс и смену технологических укладов можно рассматривать как важную причину поворота к конвергенции, особенно с 1980-х гг., когда началась активная фаза так называемой деиндустриализации на Западе. Деиндустриализация может быть определена как падение доли промышленности в ВВП (и доли занятых в промышленности). Фактически деиндустриализация началась еще в середине 1960-х гг. сперва в США, а в Японии и Европе этот процесс шел с запозданием. Доля занятых в промышленности в США с 1965 по 1994 г. снизилась с 28 % до 16 % соответственно. В развитых странах в целом с 1970 по 1994 г. занятость в промышленности упала с 28 % до 18 % (Rowthorn, Ramaswamy 1997). Одновременно быстро росла доля занятых в сфере обслуживания. Однако эта фаза деиндустриализации в основном была связана не столько с переносом промышленных производств в менее развитые страны или преимущественным открытием в них новых предприятий, хотя и это имело место (см., например: Amsden 2004), сколько с быстрым ростом других секторов экономики, в том числе информационных производств и услуг. Вот почему многие экономисты ошибочно считали, что торговля Север – Юг имела небольшое влияние на деиндустриализацию (Lawrence, Slaughter 1993; Krugman, Lawrence 1994; Krugman 1996; Bhagwati 1995; Debande 2006)²⁰. В целом же быстрый рост сферы услуг, в том числе сложных и квалифицированных (информационных, медицинских, финансовых и т. п.), вместе с расширением зоны свободной торговли и свободного перемещения капиталов (см. ниже) вкупе с жестким экологическим законодательством и ухудшением демографической ситуации в первом мире привели к тому, что промышленные производства стало выгоднее переносить в периферийные страны²¹. Перенос производств в Восточную и Юго-Восточную Азию, Мексику, Турцию, Египет и многие другие развивающиеся страны был очень тесно связан с процессом падения нормы прибыли в промышленности развитых стран, которую не смогли восстановить ни давление на профсоюзы, ни уменьшение регулирования движения капитала, ни другие факторы. Процесс падения прибыли и его последствия очень хорошо описаны в книге Р. Бреннера «Экономика глобальной турбулентности» (Бреннер 2014). В итоге началась активная фаза деиндустриализации, которая одновременно была и активной фазой индустриализации целого ряда развивающихся стран. Повторим, огромную, даже определяющую во многом роль здесь сыграли ТНК, которым было выгодно и в условиях свободной торговли даже крайне необходимо (для выпуска конкурентоспособных продуктов) заменить высокооплачиваемых рабочих собственных стран низкооплачиваемыми рабочими развивающихся стран. Отметим попутно, что это одновременно затормозило развитие робототехники, активно развивавшейся в 1960–1980-х гг. И поскольку производительность труда в сфере обслуживания росла меньше, чем в промышленности (Rowthorn, Ramaswamy 1997), этот процесс способствовал конвергенции вдвойне. Во-первых, доля промышленности в ВВП развивающихся стран росла очень быстро, во-вторых, производительность труда в них увеличивалась заметно быстрее, чем в развитых.

¹⁹ Современные взгляды на различные аспекты деятельности и эффективности ТНК см., например: Baily, Solow 2001; Ghoshal, Westney 2005; Mtigwe 2006; Wild et al. 2008; Lewis 2004.

²⁰ Анализ волн в исследовании деиндустриализации, смены векторов интересов и оценок исследователями за последние сорок лет см.: High 2013.

²¹ Например, в связи с укреплением иены против доллара в результате договоренностей в Плазе в 1985 г. японский экспорт стал испытывать трудности. В результате японские корпорации переносили многие производства в новые индустриальные страны (Сингапур, Тайвань, Гонконг и Южную Корею), валюта которых была привязана к доллару, что позволяло им успешно наращивать экспорт (Бреннер 2014: 305).

Таким образом, научно-технический прогресс одновременно стимулировал (в связи с ограниченными демографическими ресурсами) и сделал выгодным перенос индустриальных производств из первого мира в третий. В экономике почти любой страны одновременно сосуществуют все сектора, начиная с сельского хозяйства. Но если в отдельно взятом народном хозяйстве экс-лидирующий сектор экономики относительно редко становится ее лидером²², то в рамках международного разделения труда ситуация существенно иная²³. Дело в том, что старые сектора, которые прежде были технологическими лидерами, смещаясь со своего места в центральных частях Мир-Системы, переходят в другие ее части не с приставкой «экс», а именно как лидирующие. Это происходит, во-первых, с помощью развития в прежде недостаточно развитых странах собственного производства этих экс-лидирующих секторов с использованием заимствованных (импортированных) технологий, а во-вторых, посредством фактического перемещения старых секторов в менее развитые страны (что и имело место, как мы говорили, в последние два-три десятилетия в процессе деиндустриализации Запада).

Таким образом, структура международного разделения труда (которая является важнейшей осью Мир-Системы в целом) в известной мере отражает историческую эстафету лидирующих секторов и обеспечивает возможность для роста нового уклада в центре Мир-Системы. Но новая волна технологий нуждается не только в наличии кластера инноваций, но и в том, чтобы «освободить» место в странах-лидерах для переориентации рабочей силы. Ведь если капиталы и рабочая сила переориентируются, то, во-первых, старые базисные товары кто-то должен производить в достаточном количестве, во-вторых, у экономики, в которой формируется новый лидирующий сектор, должны быть в определенной мере «развязаны руки», то есть она должна освобождаться от менее инновационных товаров. Иначе дефицит базисных товаров не даст сосредоточиться на инновационных. Ведь последние при всей их важности все больше удаляются от базисных нужд людей (одно дело – продовольствие, одежда, даже металлы, другое – интернет и особые услуги). Это «освобождение» и происходит за счет импорта товаров, которые становится невыгодно производить у себя. Не все здесь бывает логично, такая трансформация происходит весьма тяжело, но логика этого процесса обеспечивает рост экономики в Мир-системе и возможность инновационного рывка в разных ее местах. Собственно, это способ вовлечения все новых экономик в зону действия нового принципа производства. Даже если многие общества в целом еще до него не доросли (как сегодня до уровня научно-информационного принципа производства по-настоящему недотягивает большинство стран мира), то своей верхушкой они в него уже втянулись (хотя бы в крупнейших городах уже есть анклав передовой технологии). А главное – они становятся частью международной системы разделения труда, которая формируется под влиянием нового принципа производства. Следовательно, для адаптации новой волны инноваций должно быть обеспечено перемещение технологий и капитала в менее развитые части Мир-Системы, с тем чтобы компенсировать выбывшие из производства в центральных частях объемы и номенклатуру товаров.

Один из механизмов таких передвижений технологических укладов объясняет парадигма «летающих гусей», которая была разработана в конце 1930-х гг. японским ученым К. Акамацу (на английском языке эти работы появились в начале 1960-х гг. [Akamatsu 1961; 1962]). Согласно Акамацу, сначала происходит импортозамещение определенных

²² Так бывает, например, если страна специализируется на сельском хозяйстве, как происходило в Новой Зеландии, или на добывающей промышленности, как в нефтедобывающих странах.

²³ Проблемой лидирующего сектора в разных аспектах занимались С. Кузнец, У. Ростоу, Дж. ван Дейн, Я. ван Гольдерен, Дж. Модельски, У. Томпсон, Й. Пенстич и другие (Kuznets 1926; 1930; Rostow 1975; van Duijn 1983; van Gelderen 1913; Modelski 1987; Modelski, Thompson 1996; Thompson 1990; 2000; Rasler, Thompson 1994; см. также: Модельски, Томпсон 1992; Rennstich 2002).

товаров (например, текстильных) путем открытия национальных предприятий, а потом развитие этой отрасли создает возможности для выхода на зарубежные рынки. Однако в его теории роль иностранного капитала разрабатывалась слабо, так как Акамацу построил свою парадигму на основе наблюдения за текстильной промышленностью Японии (тогда еще развивающейся страны) и путем ее развития в течение 40–50 лет начиная с конца XIX в. Развитие Японии в 1950–1980-е гг., а затем и новых индустриальных стран (Кореи, Тайваня и др.), позднее также Китая, Таиланда, Малайзии и других, в которых роль иностранного капитала и экспортного сектора стала уже принципиально иной, позволило расширить и модернизировать парадигму Акамацу ряду ученых Японии и других стран. Они включили в анализ факторы ПИИ и ТНК, показав, как усиливают технологические и финансовые трансферты экономический прогресс в развивающихся странах (Shinohara 1982; Kojima 2000; Ozawa 1992; 2001; 2005; 2009; см. также: Ginzburg, Simonazzi 2005; Ito 2001; Korhonen 1998; Kwan 1994; Yamazawa 1990; см. также: Grinin, Korotayev, Tausch 2016: 111–142).

Так, один из представителей данного подхода Т. Озава пишет следующее: «Страны по всему миру находятся на разных стадиях развития, структурные преобразования в них идут с разной скоростью. Это составляет основу для динамических сравнительных преимуществ – различные государства в иерархии стран могут взаимодействовать друг с другом взаимодополняющим и взаимовыгодным образом, так чтобы все они могли извлечь выгоду из “экономии иерархического объединения” (Ozawa 2001). Такая экономия аналогична тому эффекту, когда стая из 25 летящих гусей может достичь “70 процентов экономии энергии по сравнению с одиночно летящей птицей” благодаря создаваемой стаей циркуляции воздуха, облегчающей полет каждой из птиц (Gedney 1982)» (Ozawa 2010: 5).

О деиндустриализации Запада см. еще в последнем параграфе главы.

Возникновение саморазвивающейся системы мотивации к модернизации внутри стран

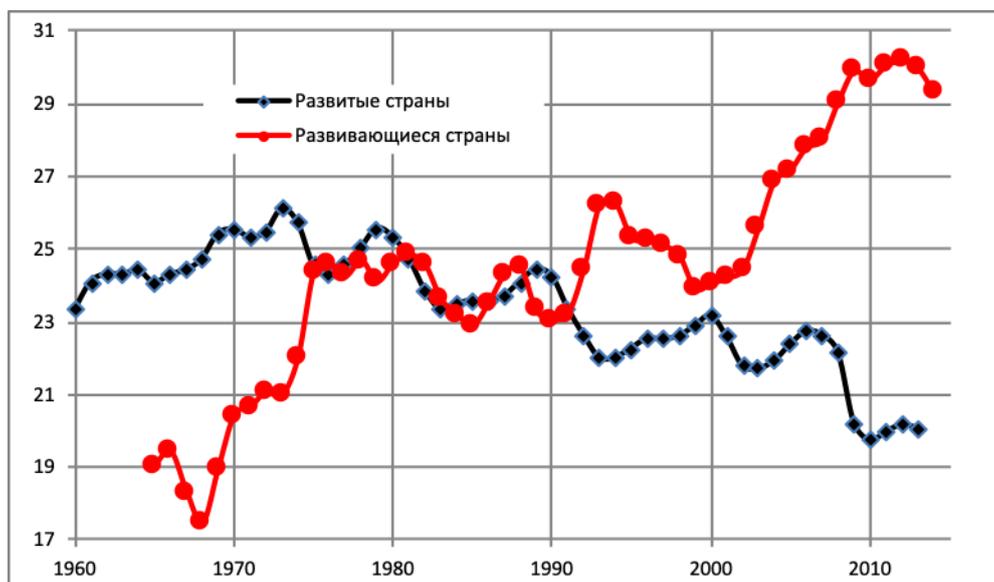
Общая идея модернизации, разработка форм и методов ее осуществления способствовали тому, что во многих развивающихся странах идея реформирования и модернизации стала крайне важной, политически значимой и, следовательно, те или иные правительства пытались в том или ином виде с этим работать. Особенно важно появление позападному образованной интеллигенции (в частности, через обучение студентов на Западе и в СССР), которая могла быть проводником этих идей. В итоге произошло превращение идеи модернизации в важнейшее политическое оружие в политической борьбе внутри стран.

Итоги изменений. Если суммировать вышеприведенные пункты, можно сказать, что подготовили почву для перелома тенденции с дивергенции на конвергенцию следующие моменты: резко возросшая необходимость для Запада и СССР по разным причинам быть в союзе с развивающимися странами; необходимость поставить под контроль ряд негативных процессов в развивающихся странах и разработка соответствующих стратегий, научных идей, программ и т. п.; изменение структуры экономики в западных странах, что потребовало переноса индустриальных производств в развивающиеся страны; пробуждение интеллигенции и стремления к модернизации; роль развивающихся стран в поставках сырья, особенно нефти, и как источника дешевой и минимально квалифицированной рабочей силы.

В конце концов, во многом благодаря глобализации большинству развивающихся стран к началу 1990-х гг. удалось сократить разрыв с развитыми государствами по уровню развития человеческого капитала до уровня, обеспечившего реальную возможность

переноса очень большого количества производств из центра на периферию Мир-Системы, обеспечивая резкое усиление потока из развитых стран в развивающиеся технологии и капитала, что и запустило процесс Великой конвергенции. В этом плане можно сказать, что Великая конвергенция была запущена новой волной глобализации, начавшейся в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

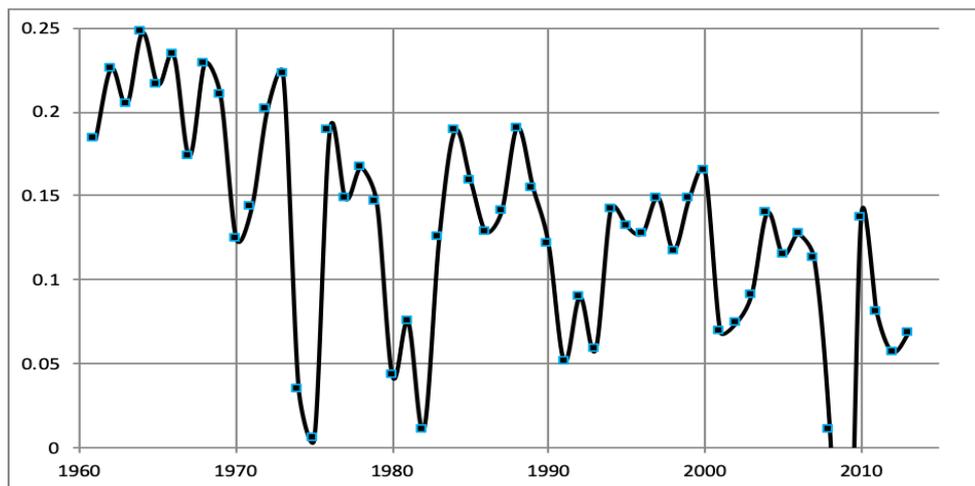
Отметим, что замедление темпов экономического роста в центре и ускорение темпов этого роста на периферии сопровождалось (и было в очень высокой степени обусловлено) следующими важными процессами-тенденциями: а) уменьшением доли инвестиций в ВВП стран центра (с начала 1970-х гг.); б) увеличением доли инвестиций в ВВП периферии (с начала 1990-х гг.)²⁴; в) уменьшением макроэкономической эффективности инвестиций (измеряемой в том, сколько долларов прироста ВВП приходится на доллар инвестиций) экономик центра (с конца 1960-х гг.); г) увеличением макроэкономической эффективности инвестиций на мир-системной периферии (с начала 1990-х гг.) (см. Рис. 15.30–5.32).

Рис. 15.30. Динамика доли инвестиций в ВВП развитых и развивающихся стран, 1960–2014 гг.

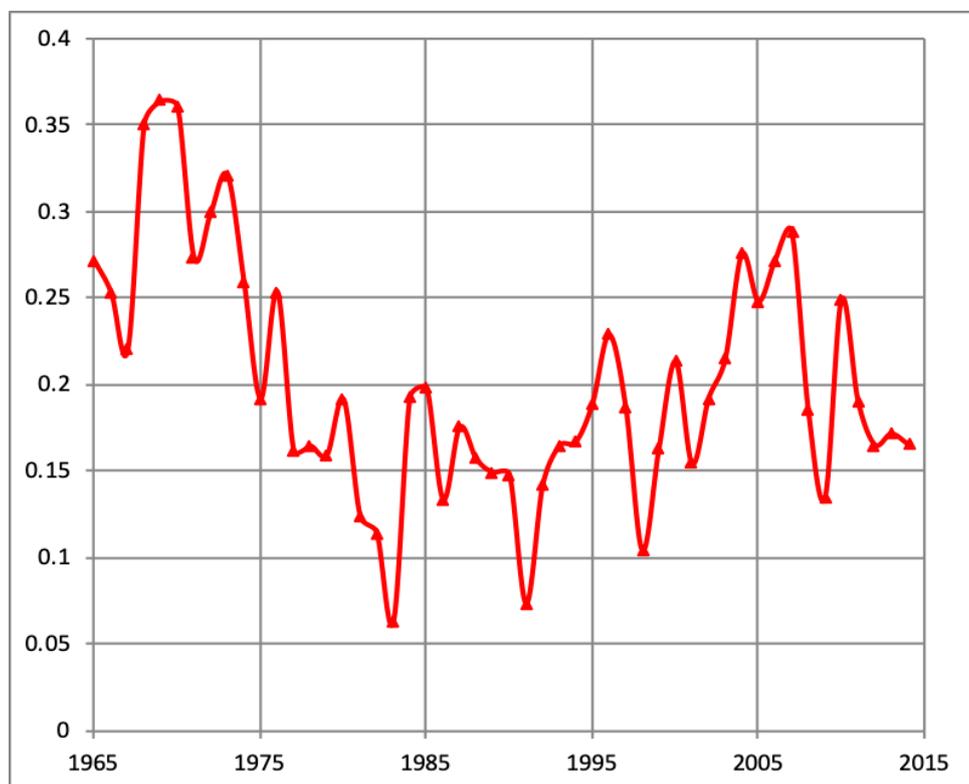
Источник данных: World Bank 2019.

²⁴ О факторах высокого уровня инвестиционной активности в экономически среднеразвитых странах (к которым в настоящее время относится большинство стран мир-системной периферии, где в настоящее время проживает подавляющее большинство периферийного населения и производится подавляющая часть периферийного ВВП) подробнее см.: Коротаев, Хаматшин и др. 2010; 2011.

Рис. 15.31. Динамика эффективности инвестиций в центре Мир-Системы, 1961–2013 гг.

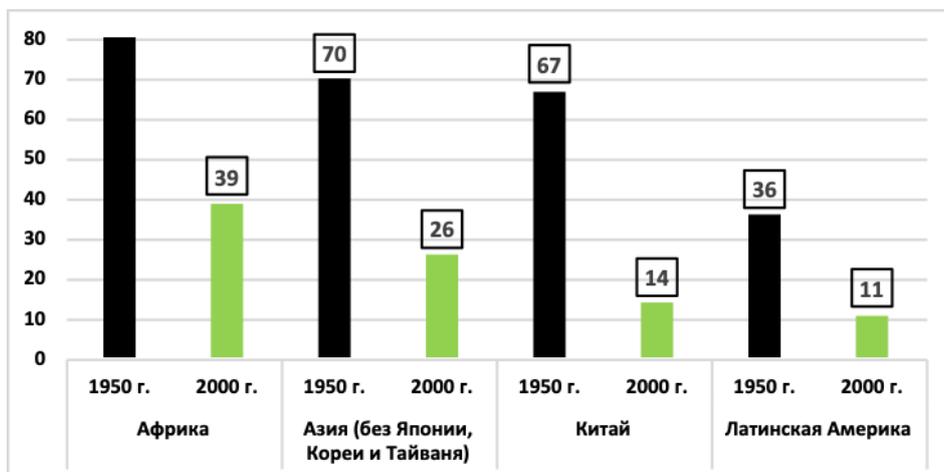
Источник данных: расчеты авторов на основе данных Всемирного банка (World Bank 2019).

Рис. 15.32. Динамика эффективности инвестиций на периферии Мир-Системы, 1965–2014 гг.

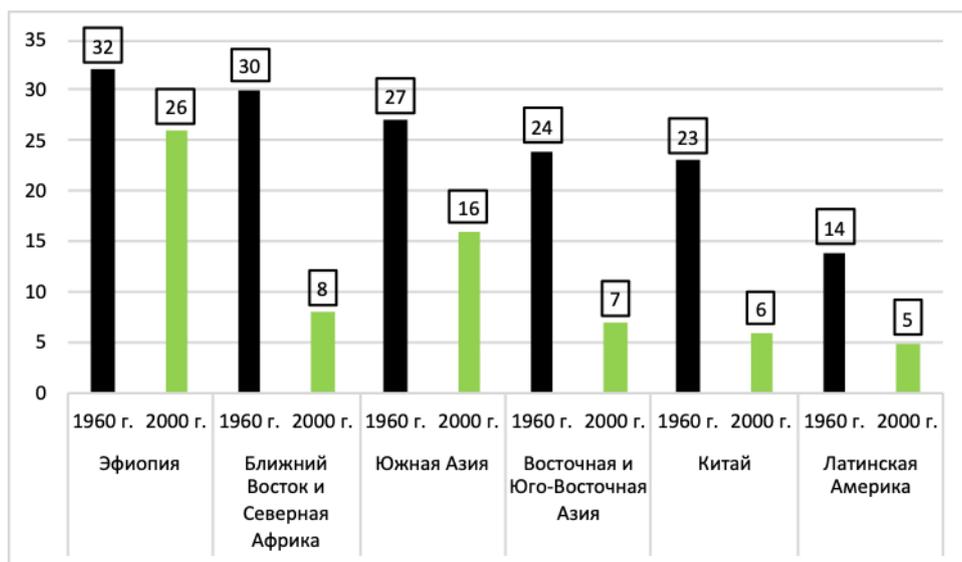
Источник данных: расчеты авторов на основе данных Всемирного банка (World Bank 2019).

Как уже упоминалось выше, мы считаем: особое значение имел тот факт, что между 1950-ми и 1990-ми гг. наблюдается радикальное снижение разрыва между первым и третьим миром по уровню развития человеческого капитала (см. Рис. 15.33 и 15.34).

Рис. 15.33. Уменьшение разрыва между Западной Европой и основными макро-регионами/странами третьего мира по уровню грамотности, процентные пункты, 1950–2000 гг.

Источник данных: Morrison, Murtin 2006.

Рис. 15.34. Уменьшение разрыва между США и основными макро-регионами/странами третьего мира по продолжительности жизни, лет, 1960–2000 гг.

Источник данных: World Bank 2019.

Таким образом, Великая конвергенция – это объективный результат развития мировой экономики в целом, итог развития экономики и политики как развитых, так и развивающихся стран (причем вольный или невольный вклад в этот результат развитых стран выглядит даже более высоким, чем самих развивающихся), это способ поддержания благо-

получия западных государств в условиях охватившего их демографического кризиса, возможность создания более широкого основания для дальнейшего инновационного развития мира.

Подобно тому как рост благосостояния широких слоев населения развитых стран и возникновение в них среднего класса как основной массы населения стали результирующей длительной социально-политической борьбы и реакции производителей (в технологической и организационной части) на рост зарплат, требований и квалификации персонала, так и Великая конвергенция – это объективный результат экономической динамики мира и векторов противостояния в нем. В последние десятилетия средний класс в развитых странах начал размываться, однако этот процесс подпитывает рост численности и значения среднего класса в развивающихся странах, значительная часть которого напрямую вовлечена в производство именно западных стран, заменяя национальных специалистов.

6. Некоторые причины ослабления Запада

Со времени окончания второй мировой войны установилась в общем-то уникальная ситуация, когда одна страна – США – стала мировым лидером в очень многих отношениях: политическом, военном, валютно-финансовом, экономическом, технологическом, инновационном, идеологическом, информационном, культурном и т. д. Длительное время это лидерство укреплялось соперничеством с мировым коммунизмом, объединяя Запад и стимулируя мощную энергию в самих Штатах. С момента распада СССР США стали абсолютным гегемоном. Причем, как ни парадоксально, именно обретение статуса абсолютного гегемона способствовало началу заката их могущества. С одной стороны, это ослабило готовность страны и населения к жертвам (которые Америка несла ранее в рамках холодной войны), с другой – на фоне кажущегося всемогущества американские лидеры избрали в целом неверную стратегию, пытаясь «сделать внутренние американские лидеры установки целями внешней политики США» (Киссинджер 2002: 283)²⁵. В итоге в течение двух неполных десятилетий Соединенные Штаты допустили много ошибок. В различных акциях они растратили запас прочности, что пошатнуло их могущество, накопили непомерные долги, стали детонатором мирового кризиса, последствия которого до конца еще не ясны. За двадцать с небольшим лет, с 1991 г., на фоне ослабления Европы и продолжающейся стагнации Японии выросли экономические гиганты в Азии (Китай и Индия), а также появилась целая когорта быстроразвивающихся стран (от Мексики до Малайзии и Эфиопии), которые продолжают расти (хотя и не без трудностей), они займут лидирующие позиции в мире в не столь отдаленном будущем.

Как же все-таки это произошло? И главное, почему? Тому имеется множество причин и объяснений. «Закат Запада» можно трактовать, например, в духе О. Шпенглера или П. Бьюкенена (Spengler 1918; Buchanan 2002; Шпенглер 1991; Бьюкенен 2003), то есть с позиций теории цивилизаций и отказа от нравственных императивов²⁶. Но это, разумеется, не объясняет в достаточной для научного анализа мере причины «падения нравов». Ослабление США можно также рассматривать как подтверждение различных теорий циклов политической гегемонии (в духе Дж. Арриги [2006] или Дж. Модельски [2005]²⁷), согласно которым период гегемонии длится примерно 100–200 лет, а затем на смену одному гегемону приходит новый. Действительно, никто не может быть в лидерах бесконечно. Однако проблема, в том, что обычной смены лидера в мире не произойдет, на место США не придет столь же абсолютный фаворит. А если единоличного лидера уже не

²⁵ Такая экстраполяция продолжается и сегодня, получая ярчайшее выражение в доктрине Д. Трампа.

²⁶ «Дехристианизация Америки – рискованная игра, ставкой в которой выступает наша цивилизация. Америка швырнула за борт “этический компас”, по которому республика держала путь в течение двухсот лет, и теперь плывет наугад» [Бьюкенен 2003: 271]. Дехристианизация Европы проявляется еще заметнее (см., например: Фергюсон 2014а).

²⁷ См. также, например: Modelski 1987; Thompson 1988; Modelski, Thompson 1996; Arrighi 1994.

может быть, то мир станет структурироваться по иным основаниям, чем раньше (см.: Гринин 2009в; 2016а; Grinin 2010; 2012а; Grinin, Korotayev 2010b; 2011а; 2015). Следовательно, с закатом США закончатся и циклы политической гегемонии.

Вполне естественно рассматривать смену геополитического ландшафта как результат ошибок и высокомерия, которое в определенный момент охватывает могущественные державы. «В истории наций наблюдается три стадии: успех, последствия успеха – высокомерие и несправедливость, а затем уже, как их следствие, – падение», – писал по этому поводу Дж. Неру (1977: 90). Действительно, ошибок сделано немало, многие из них видны, как говорится, невооруженным глазом. Причем кажется, что западные демократии утрачивают и свое сильное качество – делать правильные выводы из собственных ошибок. Свидетельство этому – маниакальное стремление к свержению режимов на Ближнем Востоке безо всякой заботы о последствиях, без учета произошедшего хотя бы в Ираке, Палестине, Ливане, Сомали, Афганистане, Ливии, Сирии... Западные демократии своими недалекими действиями порождают противников в лице ортодоксально настроенных мусульманских движений.

Однако сами ошибки (равно как и изменение моделей поведения элит и населения) можно рассматривать как результат более глубоких процессов. Следовательно, важно увидеть эти процессы, которые изменяют мир вопреки воле тех, кто, казалось бы, стоял в центре событий.

Главная причина – глобализация? Сокращение могущества США и Запада, если рассматривать ситуацию в ретроспективе, было неизбежным. Кризис 2008–2013 гг. только обнажил то, что фактически уже имело место: ослабление главных центров западной экономики и неизбежность утраты Западом абсолютного лидерства. В этом заключается логика истории, которую, правда, еще до конца не поняли: развитие глобализации с некоторого момента оказалось несовместимым с устоявшейся моделью американской и западной гегемонии. Таким образом, именно глобализация, которую американцы активно навязывали, которую клеймят антиглобалисты всех стран, в которой видят источник трудностей развивающихся государств, и сделала данную тенденцию ослабления богатых стран и усиления бедных неизбежной. Рассмотрим эту идею подробнее.

В итоге великой конвергенции, глобализации и ослабления США и Запада в Мир-Системе начался процесс реконфигурации, в которой страны Востока играют большую роль. Об этом см. в Экскурсе 3. Соответственно стал меняться и мировой порядок, о контурах которого можно сделать некоторые предположения. Очевидно, что крупнейшие страны Востока, особенно Индия и Китай будут играть важную роль в установлении основ нового мирового порядка. Об этом также см. в Экскурсе 3.

7. Как глобализация ослабила центр и усилила периферию

Выше мы уже упоминали о законе сообщающихся сосудов, теперь поговорим о нем подробнее.

Закон сообщающихся сосудов мировой экономики. Как мы могли видеть выше, вплоть до начала 1970-х гг. развитие глобализации сопровождалось увеличением разрыва между богатыми и бедными странами в отношении целого ряда важных характеристик (особенно в том, что касается величины ВВП на душу населения). В то же время многое было сделано, чтобы подготовить начало конвергенции. Затем, в последние десятилетия, некоторые мировые экономические процессы (и в особенности процессы глобализации) стали вносить все больший вклад в уменьшение этого разрыва. «Доля развивающегося мира в глобальной занятости и мировом экспорте резко выросла, сначала за счет низких уровней заработной платы и экономии от масштаба. Их доля в глобальной занятости и экспорте увеличилась уже за 1970–1990-е гг., по крайней мере, на 10 процентных пунктов» (Amsden 2004: 256).

Таким образом, представляется возможным говорить о «дивергентной глобализации» (примерно до 1970-х гг.) и «конвергентной глобализации» (с 1980-х гг.). Здесь вновь повторим, что довольно выраженная конвергенция между первым и третьим миром наблюдалась уже в 1990-е гг.; однако эту конвергенцию тогда сложно было заметить из-за катастрофического спада, имевшего место в те же годы во втором мире.

Таким образом, сама суть последней волны глобализации означает, что развивающиеся страны должны расти быстрее, чем развитые. Это происходит потому, что глобализация повышает прозрачность экономических границ, и это приводит в действие то, что выше мы назвали законом сообщающихся сосудов. В результате развитие периферии (и в особенности полупериферии) ускоряется, тогда как рост стран ядра мировой системы замедляется. Вне всякого сомнения, это один из основных результатов глобального развития в последние два десятилетия.

По данным Всемирного банка, всего 20 лет назад доля самых развитых государств (= первого мира = Запада) в мировом ВВП (рассчитанном в постоянных международных долларах 2005 г. по паритетам покупательной способности) была почти в два раза выше, чем у всех остальных стран мира. Она начала сокращаться в 1990-е гг., но именно в 2000-е гг. это сокращение стало действительно стремительным, и к настоящему времени доля незападных стран в глобальном ВВП уже заметно превышает долю Запада (см., например: Grinin, Korotayev 2015; см. выше Рис. 15.6–5.10).

Закон сообщающихся сосудов мировой экономики и пробуждение масс. Многие экономисты 1950–1960-х гг. не питали чрезмерных надежд на выведение стран Востока из мрака отсталости в обозримом будущем. Главным препятствием они справедливо считали отсутствие у населения этих стран стремления к улучшению жизни. Бедность не угнетала людей, они не воспринимали ее как нестерпимое состояние (см., например, книгу нобелевского лауреата Г. Мюрдаля [Myrdal 1968]; похожее мнение встречается у Ф. Броделя [1986–1992]). Такая психология еще характерна для жителей некоторых отсталых районов, особенно в Тропической Африке (см., например: Аллен 2013: 162–164).

Но во многих развивающихся странах ситуация изменилась, поэтому из сонного и апатичного третий мир превращается в динамичный (см., например: Grinin 2014a; 2015b; 2016b; Korotayev et al. 2011a; 2011b; 2012; Korotayev, Zinkina 2014b; Grinin 2013a). И одно из главных изменений можно увидеть именно в смене жизненных приоритетов у сотен миллионов людей, которые все активнее стремятся вырваться из бедности и неграмотности в иную жизнь.

Таким образом, самым трудным для рывка оказывается пробудить эту активность среди населения бедных стран (здесь нужны большие усилия, направленные на развитие начальной модернизации и образования). Но когда потребность в улучшении условий жизни все же возникает, начинает работать своего рода мотор. В итоге может быть достигнут качественный результат (несмотря на то, что такое броуновское движение всегда сопряжено с массой всякого рода беззаконий, уродства, глупости, несправедливости и т. п.). Ибо начавшись однажды, движение за изменение собственной жизни к лучшему будет генерировать социальную энергию в течение многих десятилетий. А если соединяются усилия населения и государства, в результате синергии успех может стать ошеломляющим. Именно так случилось в Китае, Индии и целом ряде других развивающихся стран (Grinin 2014a; Grinin 2011b; 2013b; Grinin, Tsirel, Korotayev 2015).

В богатых обществах при всех их преимуществах в культуре, образовании и квалификации этот источник развития уже давно иссяк. Мотивация к более упорной работе не уменьшается только у некоторых групп иммигрантов, борющихся за свое положение (и, кстати сказать, в США именно это во многом поддерживает динамичность экономики).

А с учетом старения населения возможностей для быстрого развития становится еще меньше. Необходимо отметить, что среди причин ослабления экономической мощи За-

пада, конечно, важнейшее место занимает сокращение прироста населения (или даже уменьшение численности населения) при одновременном его старении (см., например: Goldstone 2010; Powell, Khan 2013). Это ведет к сокращению количества работоспособных людей и росту числа пенсионеров²⁸. В то же время именно глобализация сделала востребованным (к сожалению, не полностью) основной ресурс бедных стран – рабочую силу. Причем ценность данного ресурса, по-видимому, в ближайшие десятилетия будет расти, хотя многим развивающимся странам, таким как Индия и особенно ряд африканских государств, будет очень нелегко найти применение десяткам миллионов молодых рабочих рук (см., например: Гринин 2014а; Коротаяев, Зинькина 2012б; 2013; 2014б; Grinin 2011b; 2013b; Zinkina, Korotayev 2014а; Зинькина, Коротаяев 2017). Но в западных странах с учетом старения населения возможностей для быстрого развития становится все меньше.

Итак, открытость экономических границ создает ситуацию, когда фактически начинает действовать закон сообщающихся сосудов мировой экономики, а указанный расклад внутренних стимулов к росту и различия в демографических ресурсах во многом определяют работу системы сообщающихся сосудов. Капитал и производственные мощности развитых стран с целью удешевления производства и сокращения расходов перемещаются в развивающиеся страны, где есть сотни миллионов молодых людей, ищущих работу. Вместе с этим и мотор мирового экономического роста перемещается из центра на периферию. В итоге роль развивающихся стран в мировой экономике (особенно в создании ее прироста) увеличивается, и разница в уровнях развития уменьшается, хотя пока еще остается очень большой.

Таким образом, к настоящему моменту глобализация в целом оказалась полезна развивающимся странам, вопреки утверждениям о том, что она лишь увеличивает их отставание от развитых (см. Гринин, Коротаяев 2016: Глава 2; см. также: Стиглиц 2003). Несмотря на многие верные замечания критиков глобализации, тем не менее отметим, что правда оказалась на стороне Д. Бхагвати (2005), вставшего на защиту глобализации (см. также: Amsden 2004). И пока не наблюдается причин, по которым тенденция к более быстрому росту периферийных стран должна радикально ослабеть, хотя их зависимость от потребления в центре, от уровня цен на энергоносители и сырье, направлений финансовых потоков очень сильна, и это в последние годы замедляет темпы роста как развивающихся стран, так и мировой экономики в целом. Тем не менее, по нашему мнению, хотя и не с таким отрывом, как в предыдущие 15 лет, но темпы роста в развивающихся странах будут выше, чем в развитых, хотя бы за счет более высокого демографического прироста. При этом если даже экономический рост в развитых странах пойдет более высокими темпами, он неизбежно стимулирует импорт из развивающихся стран, задействование их трудовых ресурсов и т. п., то есть рост их ВВП.

А могло ли быть по-другому? Нередко бывает, что логика процесса длительное время непонятна, противоречива, внимание привлекают именно те стороны и черты, которые позже исчезают, а самые важные характеристики остаются некоторое время неочевидными. Только позже становится ясно, что процесс просто не мог бы происходить в иных условиях. Так случилось и с глобализацией. Рассмотрим, могло ли развитие глобализации привести в принципе к другому результату.

Углубление и расширение экономических связей в мире длительное время (особенно в период господства колониализма и неоколониализма, фактически до 1980-х гг.) происходило благодаря превращению многих экономик в сырьевые или аграрные придатки развитых государств. Поэтому многие, подобно И. Валлерстайну, считали, что центр

²⁸ Отметим, что США имеют в этом плане еще некоторые преимущества перед Европой и Японией за счет более высокой рождаемости и большой иммиграции, что в значительной мере определяет высокий динамизм американской экономики по сравнению с европейской.

(Запад) может существовать, только постоянно эксплуатируя периферию и навязывая подчиненным странам экономическую специализацию, которая сохраняет лидерство развитых стран (Валлерстайн 2001; Frank 1979; Wallerstein 1974; 1980; 1987; 1989; 2003; Amin 1976; 1994; 1997 и т. д.; см. об этом выше). Начавшуюся глобализацию также длительное время идеологически удобно было приравнивать к модернизированному неокониализму, утверждая, что она или консервирует, или даже будет углублять неравенство в уровнях экономического развития мира. В какой-то степени для этого имелись основания. Однако в итоге логика процесса оказалась совершенно иной. Почему? Дело в том, что глобализация не просто увеличивает число экономических связей, она также колоссально расширяет экономическое пространство мира. А это означает постоянное изменение международного разделения труда. Реально это могло произойти только за счет того, что развитые страны, сосредоточившись на развитии новых отраслей, должны были передать технологии предыдущих поколений более отсталым государствам (см., например: Гринин 2013а; Amsden 2004; Grinin, Korotayev 2014а). Здесь необходимо также учитывать исчерпание собственных трудовых ресурсов в развитых странах (где уже начали действовать миллионы иммигрантов) и изобилие таких ресурсов в развивающихся странах. Следовательно, глобализация объективно вынуждала страны, развивающие постиндустриальную экономику, которым уже трудно поддерживать все сектора хозяйства, переносить индустриальное производство в слабо индустриализированные регионы (см. об этом также выше)²⁹. В результате такой диффузии, которой значительно способствовало открытие границ для капиталов (см. об этом Гринин, Коротаев: Глава 2), и произошла передача части мощи от центра к периферии. Разумеется, развивающимся государствам удалось немало сделать в плане индустриализации и за счет собственных усилий.

Причины изменения экономического баланса сил в мире. Суммируем причины, которые показывают, что процесс экономической глобализации вряд ли мог происходить по-другому.

1. Для развития новейших технологий было необходимо удешевление технологий прежнего поколения. Переход экономик Запада к новым технологиям, связанным с появлением высококвалифицированных услуг, в условиях ограниченности и дороговизны их трудовых ресурсов (а также требований к экологии) обусловил перенос старых производств на периферию. Вместе с переносом производств начался и подъем стран Азии (см., например: Гринин 2014а; Grinin 2013b). Так называемая финансовая революция и упрощение перемещения капиталов из одной страны в другую (см.: Доронин 2003; Рубцов 2000; 2006; 2011) оказали существенное влияние и на развитие развивающихся стран. Капитал (объем которого постоянно возрастал) искал более выгодного применения и часто находил его в молодых экономиках. Соответственно выигрывали страны, которые более активно привлекали капитал и создавали для него лучшие условия. В то же время выяснились и большие негативные следствия такой ситуации, что привело к ряду кризисов (1997 г. и др.) и улучшению регулирования (хотя и далеко не полному) деятельности иностранного капитала. Можно согласиться с Амсден (Amsden 2004: 253), что «кризисам задолженности и в 1982 г. в Латинской Америке, и в 1997 г. в Восточной Азии предшествовали периоды резкого роста инвестиций». Но так или иначе прямые иностранные инвестиции в экономику развивающихся стран в 1990–2000-е гг. превратились

²⁹ Подобные процессы способствовали развитию и в предшествующее столетие, хотя прямой перенос предприятий не был широко распространен. Похожими по типу были процессы сокращения сельскохозяйственного производства в странах Европы и бурного его роста в других государствах. В Европе в последней трети XIX – начале XX в. за счет роста урбанизации доля сельского хозяйства сократилась, но в то же время потребности в продовольствии увеличились. Это привело к быстрому развитию товарного сельского хозяйства (и в целом экономики) на периферии (в Австралии, России, Индии, Аргентине, на западе США).

в важнейший канал для привлечения долгосрочного частного капитала, новых технологий и управленческого опыта, дающих зачастую более значительный эффект по сравнению с местным предпринимательством (Руденко 2006: 7). О скорости роста частных инвестиций говорят, например, такие цифры: в 1990 г. в развивающиеся страны в год поступало 35 млрд нетто-инвестиций, а уже в 1994–1996 – по 200 млрд долларов в год (Там же: 6). Но, конечно, приток иностранных инвестиций шел очень неравномерно в различные регионы и страны третьего мира, что во многом зависело от эффективности экономической политики правительств и ряда других обстоятельств³⁰.

2. Для функционирования перенесенной промышленности требовалось повысить уровень принимающих стран. Развивающиеся страны становились площадками для производства (цехами по сборке, первичной переработке и т. п.). Но такие площадки могли функционировать только при наличии минимума инфраструктуры, финансового сектора, определенной квалификации работников (ликвидации неграмотности, росте высшего образования) и т. п. Развития всего этого от принимающих стран настойчиво требовали и добивались (de Soto 2000: 4).

3. Перенос производств запустил мощнейший источник роста. Он задействовал в ряде бедных стран два их важнейших преимущества: огромные трудовые ресурсы и их дешевизну. В итоге эти государства не просто стали производить в большом объеме дешевые товары, в них начались индустриализация и модернизация. А эти процессы десятилетиями (за счет перетока населения из деревни в города, из низкопроизводительных секторов в высокопроизводительные) генерируют экономический рост и подъем благосостояния.

4. Именно незыблемые принципы глобализации привели Запад к деиндустриализации (в частности, включая так называемый Вашингтонский консенсус [см., например: Korotayev 2010; см. также: de Soto 1989]). Принципы глобализации: свобода торговли и перемещения капитала с учетом преимуществ численности и дешевизны рабочей силы развивающихся стран – сделали процесс перевода производства в эти регионы неизбежным.

5. Запад и Япония сами передали технологии модернизации развивающимся странам. Для поддержания роли лидера западные страны активно учили развивающиеся, что нужно делать, требовали и настаивали, чтобы они модернизировались, разрабатывали стратегии такой модернизации, посредством международных центров оказывали в этом определенную помощь. В ряде случаев такие призывы совпали с желаниями и усилиями местной элиты и увенчались успехом. Многочисленные собственные усилия по развитию производства. Успех Японии, а затем и «азиатских тигров» создал эффективную модель догоняющего развития, основанную на быстром развитии экспортного сектора, которая стала распространяться (см., например: Гринин 2011д; 2012г; 2013е; Grinin 2011b; см. выше о модели «летающих гусей»).

6. Дешевые товары победили промышленность Запада. Расширение импорта дешевых товаров в страны Запада сделало процесс переноса производств в бедные страны неудержимым. Западные производители не могли конкурировать с низкими ценами и не готовы были платить больше для поддержки своей промышленности.

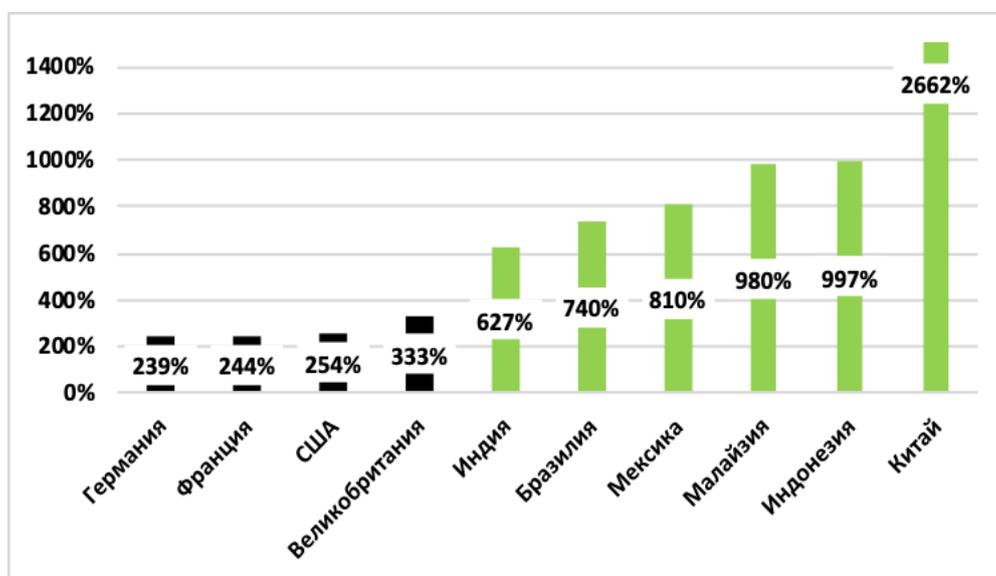
Кто попал в «западную глобализацию»? Итак, подведем итоги. Перенос производств в развивающиеся страны создал условия, при которых они стали расти быстрее развитых. Это неудивительно, если учесть, что мощности и капиталы в течение десятилетий выводились из экономик развитых стран в развивающиеся. Этому также способствовала ак-

³⁰ Примером малоактивной и неэффективной политики в этом отношении могут служить арабские страны в 1990-е гг. Так, если с 1990 по 1996 г. в целом приток инвестиций в развивающиеся страны вырос в 6 раз, то в арабские страны он не только не вырос, но сократился в 2 раза (Руденко 2006: 6).

тивная политика элиты развивающихся стран по привлечению инвестиций и технологий в собственные государства, преодолению препятствий на этом пути.

Для примера можно сравнить экономический рост Мексики и США. Перенос производств из вторых в первую, начавшийся в 1980-х гг. и особенно усилившийся в результате образования Североамериканской зоны свободной торговли НАФТА в 1994 г., привел к тому, что с 1986 по 2012 г. ВВП Мексики вырос в 9 раз (со 129,4 млрд долларов до 1153,3 млрд долларов), ВВП Бразилии (которая также активно импортировала капиталы и технологии) вырос сопоставимым образом (в 8,5 раз), а ВВП США – только в 3,4 раза (соответственно с 4425 млрд до 14 991 млрд долларов).

Между тем Мексика и Бразилия обладают далеко не самыми быстрорастущими экономиками (и в 1980–1990-х гг. их экономики и финансы испытывали сильные потрясения). Малайзия и Индонезия за эти же самые годы нарастили свой ВВП в 11 раз. Индия с 1991 г., то есть с момента открытия экономики для ввоза иностранного капитала, всего за 20 лет (к 2012 г.) увеличила свой ВВП почти в 7 раз (а с 1983 г. – примерно в 10 раз). И, наконец, лидирует Китай, который с 1986 по 2012 г. увеличил ВВП более чем в 27 (!) раз (с 298 до 8227 млрд долларов). Все эти цифры не могут не впечатлять. Для сравнения скажем, что за 1986–2012 гг. ВВП Великобритании увеличился в 4,3 раза, а Франции и Германии – только в 3,4 раза³¹ (см. Рис. 15.35).

Рис. 15.35. Рост ВВП в некоторых развитых и развивающихся странах в 1986–2012 гг.

Источник данных: World Bank 2019: NY.GDP.MKTR.CD.

Развитые страны могли сохранить разрыв только путем запрета на перемещение капиталов, производств и технологий, проводя политику высоких импортных барьеров, закрывая свой рынок для чужих промышленных товаров. Но после десятилетий убеждений в святости свободы предпринимательства и свободной торговли и образования ВТО закрываться пошлинами было уже невозможно. А главное – собственный потребитель отдавал предпочтение чужим, но более дешевым товарам (сначала японским, затем корейским и тайваньским, позже – китайским и мексиканским, теперь – бангладешским, вьет-

³¹ Все расчеты сделаны по данным: World Bank 2019.

намским и т. п.). Невозможно было желать дешевого ширпотреба и не поддерживать чужих производителей³².

Словом, имел место определенный парадокс развития. Долгое время США были активнейшим проводником идеологии свободной торговли, честной конкуренции и инициатором создания соответствующих международных организаций (они постоянно оказывали давление на таких своих партнеров, как Япония, которые пытались не допустить на собственные рынки те или иные импортные товары [Bhagwati, Patrick 1991; Amsden 2004; Бреннер 2014]). Тогда это было выгодно США. Но именно жесткие правила, запрещающие ставить преграды на пути дешевого импорта, стали основой для рационализации технологического процесса и вывода производства из Европы и Америки в Мексику, Китай и другие страны. Поведение западных корпораций в этом отношении было логичным, но в результате периферии вместе с промышленностью была передана и часть мощи Запада.

Кроме того, отметим, стали активно расти крупные корпорации и в самих развивающихся странах, в том числе и собственные ТНК. По данным Boston Consulting Group, в 2013 г. насчитывалось свыше 1000 фирм из развивающихся и новоиндустриальных стран с ежегодным объемом продаж более 1 млрд долларов. Немалая часть из них, прежде всего азиатская, представлена госпредприятиями и семейными конгломератами. При этом растущая доля компаний из развивающихся стран работает не только дома, но все более активно выходит на внешние рынки, кооперируясь и конкурируя с себе подобными ТНК из других развитых и развивающихся стран, скупая бизнесы и в развивающихся странах, и в развитых государствах. К таким фирмам можно отнести, например, китайские Alibaba Group, Huawei, Lenovo и Wanxiang, южнокорейские Samsung Electronics и Hyundai, индийские Tata Group и Infosys, индонезийскую Golden Agri-Resources, мексиканскую Grupo Vimbo, южноафриканскую Aspen Pharmacare и др. (Мельянцеv 2015: 46).

В последние три с половиной десятилетия эффективность капиталовложений в целом в развитых государствах была в полтора раза ниже, чем по группе развивающихся стран. Причем в рамках G20 эффективность капиталовложений крупных развивающихся стран до кризиса в 2001–2007 гг. была больше эффективности капиталовложений крупных развитых стран в 2,5 раза, а после кризиса в 2008–2014 гг. – в 4–5 раз. В целом превосходство развивающихся стран над развитыми по темпам экономического роста в последние три-четыре десятилетия, в том числе в 2000–2014 гг., было вызвано их опережением по норме капиталовложений лишь на 1/3–2/5, а в результате их более высокой эффективности – на 3/5–2/3 (Мельянцеv 2015: 22). Как справедливо указывает В. А. Мельянцеv (Там же: 23), эти данные в немалой степени способны объяснить причины весьма интенсивного перемещения капиталов, бизнесов и рабочих мест из центров мирового хозяйства на его более или менее динамично растущую периферию и полупериферию.

В итоге деиндустриализации Запада развивающиеся страны в целом выиграли, а развитые попали в ловушку низких темпов роста. Процесс деиндустриализации и его последствия хорошо описали Г.-П. Мартин и Х. Шуманн (2001), увидевшие в нем глобальную «западню» для Европы и Америки. Но этих авторов главным образом волновал вопрос сокращения рабочих мест и распределения богатств, глобального же изменения баланса сил в мире они не заметили, поскольку считали, что глобализация негативно влияет на все страны мира.

Именно западные корпорации «оплодотворили» мексиканскую, китайскую и индийскую, а равно и целый ряд других экономик. Политика западных стран вкупе с измене-

---

³² Высказываемые Д. Трампом идеи о том, чтобы обратить этот процесс вспять, имеют небольшие шансы на успех.

нием демографической ситуации (старение населения на Западе и молодежный демографический дивиденд на Востоке [см.: Гринин, Коротаев 2015б]) еще более усилила эти процессы. Разумеется, если западные лидеры конца 1980-х и 1990-х гг. полностью осознавали бы последствия деиндустриализации, вероятно, они что-либо сделали бы для замедления этого процесса³³, но вряд ли смогли бы предотвратить его полностью, учитывая мощнейшее влияние как потребителей (электората), так и финансово-промышленной верхушки. Это было не только экономической, но и так называемой исторической необходимостью. Политика ряда развивающихся стран, напротив, оказалась удачной в смысле поддержки индустриализации и ускоренного развития этих государств. Но без благоприятного потока капитала и технологий из развитых экономик их успех был бы крайне ограничен. Реформы удаются (при прочих равных условиях), когда для них имеются благоприятные обстоятельства.

Таким образом, решающую роль в ослаблении экономических позиций Запада и США в частности и одновременно в укреплении и подъеме стран Азии и Латинской Америки сыграла именно глобализация, шире – глубинная необходимость в выравнивании уровней экономического и культурного развития. Этот процесс продолжится, хотя темпы его в будущем неясны. Согласно многим прогнозам, на базе роста промышленности, урбанизации и государственных программ в развивающихся странах в ближайшие десятилетия будут сокращаться бедность и нищета (по некоторым расчетам, вдвое до 2030 г.; см.: НИС 2012: 8), ликвидируются наиболее одиозные формы эксплуатации, уменьшится неграмотность и бесправие женщин³⁴. В целом это несколько сократит разрыв в уровне жизни наиболее богатых и многих бедных стран. в мире будет также увеличиваться группа среднеразвитых стран (см., например: Гринин 2014а; Korotayev *et al.* 2011а; 2011b; 2012; Korotayev, de Munck 2013; Grinin 2013а). Такой процесс может напоминать выравнивание уровня жизни между разными слоями в современных развитых странах в течение первых двух третей XX в. и активное формирование в них среднего класса. В процессе подтягивания развивающихся стран модели успешного развития будут все более интересоваться их. В этой связи полезно обновиться на моделях развития крупнейших и весьма успешных экономик Азии и мира: китайской и индийской. См. Экскурс 4.

Приложение

Запад и Восток в глобализационных процессах

В целом можно выделить три наиболее значимых (и отчасти противоположных друг другу) дискурса, касающихся осмысления взаимоотношений глобализации и культуры.

В рамках первого глобализация рассматривается как процесс, ведущий к унификации, гомогенизации культуры по всему миру. С этими идеями тесно связано представление о глобализации как о становлении культурной гегемонии – распространении по всему миру какой-либо одной (чаще всего западной в целом либо американской в частности) доминирующей культуры и ее проявлений; широчайшую известность в этом свете получили работы Дж. Ритцера, посвященные «макдональдизации общества» (Ritzer 1993; 1998).

³³ Сегодня США даже пытаются что-то сделать в этом отношении, президент Б. Обама открыто выражал радость, что часть производств снова вернулась в Соединенные Штаты. Но в целом доля промышленности в ВВП США не растет, а скорее сокращается. И, как сказано выше, попытки Д. Трампа вернуть предприятия в Соединенные Штаты вряд ли увенчаются успехом.

³⁴ Хотя в абсолютных цифрах количество бедных и неграмотных все еще останется большим. Следует иметь в виду, что уменьшение бедности произойдет и по причине снижения рождаемости.

Второй дискурс тесно связан с первым – в его основе лежат идеи о противодействии локальных культур влиянию глобально доминирующей культуры, вплоть до подчеркнутого противопоставления культур и открытого противостояния обществ, являющихся их носителями, – здесь также изобилуют примеры научных и научно-популярных работ, среди которых можно привести «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона (2003а) и «Джихад против МакМира» Б. Барбера (Barber 1995). Упомянем также книгу «Многоликая глобализация», вышедшая под редакцией П. Бергера и С. Хантингтона (2004). В ней в частности Бергер (2004: 9) отмечал, что самыми главными «глобализаторами» в культурном плане являются американцы. Однако идеи всеобщей «вестернизации» или «американизации», равно как и идеи раскола и противостояния культур, подверглись многосторонней критике (как научной, так и особенно политической), указывавшей на их несоответствие реальности. Эмпирические данные кросс-национальных исследований показали отсутствие глобальной конвергенции ценностей. Так, американский социолог Р. Инглхарт, с 1990 г. руководитель проекта Всемирного исследования ценностей (World Values Survey), охватывающего 78 стран мира, заявил: «Глобализация кажется всеобъемлющей. Поэтому можно было бы подумать, что мировые культуры должны конвергировать в одну гомогенизованную глобальную систему ценностей. Однако этого не происходит... Мы не только не находим свидетельств конвергенции – мы обнаруживаем, что разрыв между системами ценностей богатых и бедных стран стал шире, а не уже, за последние 20 лет» (Inglehart, Welzel 2005). Но стоит добавить, что процессу унификации культур также активно препятствует и политика многих государств (причем не только развивающихся, но и таких развитых, как Франция), которая более направлена на сохранение культурной идентичности и которая сегодня стала еще более активной в этом смысле.

Можно отметить целый ряд масштабных тенденций, противоречащих идеям «культурной гомогенизации». Во-первых, носители, символы и идеи западной культуры, проникая в иную культурную среду, зачастую обретают новые черты и новые значения по сравнению с таковыми в западных обществах. Классический пример: рестораны «Макдоналдс» в разных странах включают в свои меню отдельные блюда, основанные на традициях местной кухни, в том числе с учетом религиозных требований к пище. Во-вторых, в разных регионах могут существовать свои доминантные культуры, чье распространение и влияние на окружающие культуры могло быть значительно более активным и явно выраженным, нежели проявления вестернизации. Как указывал известный социокультурный антрополог А. Аппадурай, «для жителей Западного Папуа индонезианизация может быть страшнее американизации – как и японизация для корейцев, индианизация для ланкийцев, вьетнамизация для камбоджийцев» (Appadurai 1990: 295).

Наконец, распространение западных транснациональных компаний, производящих потребительские товары, означает не только (и, возможно, не столько) культурную глобализацию, сколько экономическую – унифицируются организация производства, способы управления и контроля качества, принимаются единые стандарты, однако вопрос о глубине и характере влияния этих изменений на культуры отдельных обществ остается открытым и требует серьезных исследований (Holton 2011: 198–199).

Напротив, в рамках третьего, пожалуй, наиболее масштабного сейчас дискурса делается акцент на увеличении культурного многообразия за счет интенсификации транснациональных культурных потоков, учащения контактов различных культур (в том числе отдаленных территориально) через участвовавшие контакты их носителей и т. д. Таким образом, глобализация ведет к смешению, взаимопроникновению и переработке элементов различных культур в каждом отдельном социальном контексте. Именно в этом дис-

курсе были введены и стали активно использоваться понятия «периферизации глобального», «креолизации» и «гибридизации» культур для обозначения адаптации, «одомашнивания» локальными культурами глобальных культурных потоков, трендов, явлений (см., например: Appadurai 1996; Hannerz 1992; 1996; Pieterse 2009). Культурная гибридность также может рассматриваться как пример явления «глокализации», о котором писал Р. Робертсон (Robertson 1992; 1995). Значительное внимание исследователей привлекало влияние на культуру новых информационных технологий, в первую очередь распространение Интернета и создание единой глобальной информационной среды.

Один из потенциально наиболее продуктивных подходов к исследованию культурной глобализации, позволяющих перейти от уровня теоретических концептов к операционализации и верификации конкретных гипотез, выработал П. Хоппер, автор фундаментальной работы, посвященной культурной глобализации. Он предлагает рассматривать отражение глобализации в отдельных составляющих культуры – к примеру, влияние глобальных факторов на динамические изменения норм и практик, ценностей, моделей, символических форм и образов отдельных культур; пространственные перемещения (постоянная и временная миграция) носителей какой-либо культуры в область преобладания иной культуры, личные и виртуальные контакты представителей разных культур; особенности интернализации культурами новых глобальных идей и смыслов и др. (Norreg 2007: 41).

В связи со сказанным очень актуальным будет проанализировать различия в культурных предпочтениях населения в странах, более близких к западному типу, и в странах, более близких к восточному типу. Это сделано нами в Экскурсе 5. И что особенно важно, эти различия показывают, что деление на Восток и Запад, несмотря на всю условность такого деления, даже сегодня имеет под собой вполне объективные основы.

Глобализация проявляется по-разному в разных регионах и отношение к ней существенно разное в разных странах.

Впечатляющие экономические успехи Китая заставляют некоторых исследователей делать выводы о том, что эта страна будет играть не просто одну из ведущих, но даже главную роль в будущем глобальном мире (см. об этом: Grinin 2010; 2011b; 2012b; Grinin, Korotayev 2010b; 2015; Grinin, Korotayev 2016). Китай кровно заинтересован в собственной экономической интеграции в мировую экономику, следовательно, он не может не поддерживать глобализацию. Но китайское правительство пытается любыми способами контролировать иные, особенно культурные и информационные, глобальные воздействия. Яньсянь Янь (2004) очень точно называет это «управляемой глобализацией». Одновременно Китай старается воздействовать через Интернет и другие каналы на аудиторию Большого Китая, то есть китайские общины в мире.

Индия, в последнее время демонстрирующая заметные экономические достижения, является достаточно необычным для Азии государством, где более или менее прочно укоренились демократические институты. В то же время, с одной стороны, власть в Индии основана на принципах современного национального государства, а с другой – она представляет собой своеобразную модель многокультурного мира, где сосуществуют разные религии, этнические группы, классы и касты. Кроме того, Индия сама является «экспортером» целого ряда различных культурных моделей, которые стали достоянием всего мира; речь идет, например, о йоге, медитации, тантризме и т. д. (подробнее см.: Srinivas 2002; Шринивас 2004; Grinin, Korotayev 2016; см. также: Basa 2004; Mondal 2006).

Во-вторых, в отношении конкретных причин сближения тех или иных обществ надо учитывать, что в состоянии определенной бифуркации, в которой сейчас находится мир,

новые линии и векторы, способствующие объединению стран в наднациональные образования, союзы, группы, блоки и кластеры, зависят от самых разных причин, среди которых тот или иной признак близости может оказаться решающим. Помимо географической близости, экономических отношений и общих политических (геополитических) интересов, близость культуры и менталитета (то есть цивилизационные родство и близость) во многих ситуациях способна оказаться самой сильной. Эти политические, культурные и религиозные особенности могут приводить к созданию каких-то особых региональных или даже межрегиональных надгосударственных моделей сближения. «Существует ли особый латиноамериканский способ действия в глобализованном мире?» – спрашивает, например, чилийский политолог А. Ф. Талавера. И отвечает: «Имеются вполне определенные показатели, позволяющие утверждать, что – да, существуют» (Талавера 2004: 267). Далее он указывает на формирование варианта развития, который заключается в сосуществовании социально-экономического порядка, основанного на открытости и свободно-рыночных отношениях, то есть чисто западного феномена, и консервативного социально-религиозного строя, то есть, добавим со своей стороны, культурной формы, характерной для части старой Европы (Там же).

Как можно определить глобализационную линию Ближнего Востока? С учетом множественности стран, конечно, здесь просматриваются разные направления. Однако одно из главных – то, что мы могли бы назвать рентной глобализацией, связанной с получением нефтедолларов и организацией на них комфортной модернизации с сохранением архаичного мышления и социально-политической надстройки³⁵. Второе направление можно было бы назвать агрессивно-цивилизационной глобализацией, где налицо идеологическое и силовое противостояние с Западом в виде различных акций и организаций международного терроризма и фундаментализма. В сочетании оба направления создают рентно-цивилизационный тип, для которого в первую очередь справедлива идея Хантингтона о столкновении цивилизаций (Хантингтон 1994; 2003а)³⁶.

П. Бергер в своей концепции разнообразия культурных глобализаций в мире указывал, что конечный результат, к которому ведет глобальное влияние внешней культуры на местную, значительно зависит от характера последней и от того, какой ответ способна дать местная культура на вызов, исходящий от внешней (глобальной) культуры (см.: Бергер 2004; Berger 1997; см. также: Berger 1986; 2002). Он выделяет четыре главных типа вариаций взаимоотношений этих культур: 1) замещение местной культуры глобальной культурой; 2) сосуществование местной и глобальной культур без заметного их слияния; 3) определенный синтез глобальной и частично местной культур; 4) отрицание глобальной культуры в результате сильной реакции со стороны местной культуры. Однако, вероятно, таких типов вариаций больше. Например, мы бы сформулировали: 5) стремление сохранить идентичность, в частности в виде тенденции к закрытости и дозированного введения инноваций, в том числе путем введения жестких ограничений и системы наказаний как официальных, так и с использованием активистов и общественного мнения. Закрытые режимы, о которых выше шла речь, в том числе на Ближнем Востоке, в Северной Корее, на Кубе и т. п., принадлежат к этому типу.

Мы полагаем, что и в отношении суверенных прерогатив при столкновении государств с внешними глобальными влияниями (вызовами) также может быть выделен целый ряд типов и моделей, связанных с характером внешних влияний и особенностями экономического и политического состояния государств (общества, элиты). Но при этом

³⁵ Наш анализ такой рентной составляющей в отношении Алжира см.: Гринин 2011в; Гринин, Коротаев 2012б.

³⁶ Отметим, что Ж. Ле Гофф (2013: 63–64) характеризовал тип модернизации исламских стран как конфликтный.

надо учитывать, что характер ответа на трансформацию суверенных прав по сравнению с влиянием на культуры в целом гораздо более контролируем со стороны государства (общества), внутренних политических сил и элит. Кроме того, поскольку баланс политических сил внутри государства, а также само положение конкретного государства в мировом рейтинге может существенно меняться (в зависимости, например, от того, какие именно силы находятся у власти, какое настроение преобладает в социуме, каковы экономические успехи или неудачи общества), одно и то же государство может резко колебаться в плане уступчивости или неподатливости в отношении уменьшения суверенных прав.

Учитывая эти и другие причины, мы выделили следующие типы и модели трансформации суверенных прав³⁷.

Западные и российские:

Европейское наднациональное объединение (с рядом подтипов).

Сверхдержава (США). Будучи наиболее мощным центром силы и богатства в мире, США, как уже было сказано, позволяют себе весьма часто поступать вопреки мнению многих государств и открыто ставят свои национальные интересы выше мировых и союзнических (см., например: Киссинджер 2002: 2; Бжезинский 2005). Конечно, США не могли себе позволить замкнуться на национальных проблемах (вернуться к традиционной для них ранее политике «изоляционизма»), а вынуждены были брать на себя бремя реагирования на всевозможные изменения в мире (при этом их терзают противоречия между необходимостью это делать и недостатком ресурсов). Мало того, США пытались создать глобальные экономические союзы в транстихоокеанском и трансатлантическом пространстве (Гринин 2016а; 2016б). И в этом плане их суверенные права подверглись бы существенной трансформации, даже если правила в таких союзах и были бы на пользу их ТНК. Однако победа Д. Трампа показала, что эгоизм США может приобрести и изоляционистский вектор, хотя только время покажет, насколько реален такой курс. Дело в том, что отказаться от обязательств весьма сложно даже (и в какой-то мере более всего) сверхдержаве.

Бывшая сверхдержава (Россия), сохраняющая стремление играть роль второй (третьей) сверхдержавы при недостаточных ресурсах и в то же время быстро отдающая (отдававшая) многие суверенные прерогативы. В таких случаях часто происходит возврат к идеям истинно национальных интересов, что может активизировать внешнюю политику державы и ее отношение к суверенным полномочиям. Именно этот возврат (во многом весьма позитивный, но одновременно создающий серьезные проблемы для страны) мы и наблюдаем в последние три-четыре года, особенно начиная с 2014 г.

Тип новых стран характерен для молодых или в чем-то ущемленных государств, которым нужна международная поддержка (признание). Примерами могут служить некоторые страны бывшего СССР (Прибалтика) или бывшей Югославии, в какой-то мере бывшие социалистические страны Европы. Для такого типа стран характерна полная готовность перейти под покровительство более сильного наднационального образования, тем более такого, как Европейский союз, добровольное и охотное принятие его жестких правил. Украина в последнее время демонстрирует это стремление в гротескном виде.

Некоторые незападные типы:

Тип регионального лидера характерен для достаточно крупных стран, стремящихся играть роль региональных или групповых лидеров. И эта цель во многом определяет степень уступчивости или неуступчивости в различных вопросах, связанных с суверен-

---

³⁷ Но эта типология не покрывает всего разнообразия форм трансформации суверенитета.

ными правами. Яркими примерами могут служить такие государства, как Иран и Саудовская Аравия

Тип управляемого вхождения в глобализацию (по Яньсянь Яню [2004]) характерен для Китая. Такой тип определяется противоречивыми задачами, которые решает Китай. С одной стороны, есть острая необходимость движения к экономической глобализации, чтобы поддерживать высокие темпы развития, а с другой – авторитарный идеологизированный режим должен всячески минимизировать влияние извне и потому контролировать влияние (особенно идеологическое) глобализации на население.

Цивилизационно-региональный тип связан со стремлением к сближению на основе географической, культурной или идеологической близости (региональности). При этом наблюдается готовность жертвовать суверенными правами, но больше в рамках определенных регионов, союзов, чем под давлением США или Запада. Характерен для Латинской Америки, ряда африканских и азиатских государств.

Закрытый тип характерен для таких стран, как Куба, Северная Корея, некоторые исламские государства. Стремление к закрытости, а следовательно, к сохранению полного набора суверенных прерогатив для них вполне естественно, так как без этого невозможно сохранять господствующую форму правления и идеологию. Такие режимы уступают только под сильнейшим нажимом обстоятельств или крупных держав.

Мы также характеризовали глобализацию исламских стран Ближнего Востока как рентно-цивилизационную (см. Гринин, Коротаев 2016; 2019б).